Тропа ведьм. Слезы навий

Автор:
Ная Геярова

Тропа ведьм. Слезы навий

Ная Геярова

Мистические истории (АСТ)Тропа ведьм #1

Отправившись за город отмечать начало учебного года, две подруги, Аглая и Ника, даже не подозревали, какие испытания их ожидают. Странная изба, возникшая из ниоткуда. Новый, далеко не дружелюбный мир, в котором расплата за любую ошибку – смерть. И есть только один шанс выбраться – дойти до Обители Ведьм. И не такой уж трудный путь, если только вы сами не ведьмы и на одну из вас не объявили охоту. А впереди предательство, измены, нечеловеческая верность и новая любовь…

Ная Геярова

Тропа ведьм

Слезы навий

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Мистические истории»

Серийное оформление – Василий Половцев

Внутреннее оформление – Ирина Гришина

© Н. Геярова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава первая

Мокрые ветви били в лицо, оставляя на коже тонкие жгучие следы. Грязь комьями забивалась в неприспособленные для плохой погоды кроссовки. Толстые корни дубов-исполинов цеплялись за ноги. Темное небо разрывали молнии. Над кронами раскачивающихся деревьев грохотала небывалая гроза. Острые капли тянулись вниз, к земле.

Аглая устало опустилась на мокрую землю, прислонилась к шумевшей на ветру сосне. В воздухе витал запах озона с примесью прелой хвои. От него спирало дыхание. В голове стояла муть От бега кололо под ребрами и стучало в висках. Ноги дрожали от усталости, а тело сотрясала дрожь. Настолько сильная, что стучали зубы. Ветровка, заботливо накинутая Игнатом, не помогала. Мокрая насквозь, стылая на ветру, она промораживала сильнее.

Игнат опустился рядом с Аглаей и прижал к себе.

У соседнего дерева сел, вытянув ноги, Стас.

– Я говорила, не стоит в эту хату лезть! – едва переводя дыхание, забормотала срывающимся голосом Рита, опускаясь рядом с Аглаей. – Так нет же, пойдем посмотрим! Посмотрели? – Она зло покосилась в сторону Ники. Молния в очередной раз озарила темные кроны ночного леса.

– А то ты сама не полезла! – огрызнулась Ника, опускаясь рядом со Стасом.

– Я? – вскочила Рита. – А кто всех подбивал: «Испугались, маменькины детки?» – На ее лице отобразился кривой прищур.

– А у тебя своей головы нет? – Ника тоже поднялась. – Да откуда тебе, ты же блондинка!

Ее слова заглушил громыхнувший раскат. И в глубине ночи полыхнула ярко-багряная зарница, озарившая двух девушек, стоящих друг против друга. Крупный дождь хлестал по лицам, скатывался струйками с обвисших паклей волос.

– Успокойтесь, – встал между ними Игнат. – Какая разница, кто решил в хату залезть. Сейчас главное – выбраться.

Он оглянулся. От проливного дождя в ночи можно было разглядеть разве что рядом стоящее дерево. Игнат отер бегущие по лицу капли:

– Кто-нибудь может хоть примерно предположить, где мы?

Молния озарила устремленные на него встревоженные лица.

– Я так и думал! А у кого-нибудь работает мобильник? У меня ни сеть, ни спутник не ловит.

– Та же беда, – поднялся Стас, выжимая на себе одежду. – Долго бежим. Лес-то километра два на два будет, не лес, так, рощица. А мы уж часа три как здесь бредем и никуда не вышли.

– Может, кругами ходим? Темень-то какая! – робко, отстукивая зубами чечетку, предположила Аглая, зябко кутаясь в промокшую насквозь ветровку.

Игнат глянул на циферблат наручных часов:

– И здесь то же шапито, что и на мобильнике. Время не показывает. Намокло все к чертям!

– А мне интересно, что это вообще за хата такая? – сунул руки под мышки Стас и начал подпрыгивать, пытаясь хоть как-то согреться. – Я с отцом здесь чуть ли не каждый сезон бываю. Что-то мы на хату эту ни разу не натыкались.

– Натыкались… не натыкались. Ты мне скажи, Сусанин, если так хорошо эти места знаешь, дальше нам куда двигаться?

Стас перестал прыгать, растерянно потер лоб:

– Ну-у…

– Вам не кажется, что где-то шумит вода? – поднялась со своего места Аглая.

– Неудивительно! – ухмыльнулась Ника, превозмогая продирающую ее дрожь. – Погода шепчет.

– Аглая права. Это не звук дождя! – кивнул Стас, прислушиваясь. – Река. Это шумит река. Я точно помню, здешняя речка выходит к трассе!

– Значит, идем к речке! Может, хоть там нас найдут, – потерла холодный нос Ника. – А может, и обогреют.

Небо, в очередной раз сотрясая верхушки деревьев, раскатисто громыхнуло, сверкнуло, разрезая тьму. В секундном сполохе возник черный призрак. Все одновременно повернулись. В наступившей темноте был виден темный силуэт всадника. Он поднял руку в широком рукаве и громко, перекрывая вой стихии, приказал вынырнувшим из-за спины песьим мордам:

– Взять!

Первое сентября. Встречу после каникул весь факультет филологии отмечал бурно. Сначала в студенческом кафе, а после решили продлить празднество в небольшой загородной рощице. Наскоро собравшись, все сорок человек расселись в имеющиеся машины и унеслись навстречу природе.

Костер быстро соорудили из веток, водрузили на него прихваченный котелок. Прямо на земле раскинули покрывала. Девушки расставляли купленные по дороге салаты. Парни играли на гитаре, пели веселые песни.

– Я пока хворост собирал, такую домину видел недалеко – хоромы! – Кто именно произнес судьбоносную фразу, Аглая так больше никогда и не смогла вспомнить. Хмельное сознание крутило и вертело цветной мозаикой в голове последние события того дня.

– Откуда здесь хоромы? Вроде ж говорили, что парковая зона, под продажу недвижухи не пойдет!

– А ты всему, что тебе говорят, веришь? – гоготнули рядом. – Тады иди ко мне. Я ща тебе такие байки намастрячу!

– Да говорю тебе! Забором таким обнесли, как будто секретная обитель ЦРУ.

– Прям ЦРУ? А может, тайная инопланетная лаборатория? – И снова хохот.

– Врешь! Я здешние места как свои пять пальцев знаю. Нет здесь ничего: ни хором, ни секретных баз, – голос Стаса.

– Да ну вас! Я всерьез! Фоток сделать. Скандал! Еще бы знать, чья хатка, так вообще раскрутить можно! Любая газетенка с руками и ногами оторвет такую новость!

Компания оживилась:

– Далеко?

– Минут десять отсюда по прямой.

– А если нет там никакой тайной обители?

– А если есть?

– Вот и проверим. Кто со мной?

Обитель была. И ограда из двойной кладки, за которой виднелась красная черепица крыши, увитая плющом. У самой ограды огромная куча валежника.

– Такое за пару месяцев не соорудишь, – проходясь вдоль забора, присвистнул Игнат. – Интересно, и кто рискнул сии хоромы в заповедной зоне раскинуть?

– Кто тебя не боится. – Девичий голос принадлежал Нике, девице взбалмошной и яркой. Игнат зыркнул на нее из-под бровей и в очередной раз засмотрелся. Хороша. Ох, не была бы девчонкой Стаса, увел бы в ближайшие кусты. Хотя чего в кусты-то? Такую и в законные супруги можно. Ноги от ушей, грудь такая, аж дыхание спирает, талия – мечта, не девка – загляденье! Он покосился на идущую рядом Аглаю. Неплоха, русые волосы чуть ниже плеч собраны в хвост, глаза яркие, зеленые, так и манят. Но рядом с вызывающей Никой явно проигрывает. А последняя, очевидно, знает, как ее вид действует на противоположный пол – на лице легкая усмешка и стреляет из-под черных длинных ресниц карими глазищами. Небрежным жестом поправляет короткие черные волосы. А во взгляде смешок: «Что, хочется, да не можется? Аглайка рядом?» Смотри, вот-вот прямо в лицо захохочет. Стас идет, будто и не замечает, ну да у него всегда придурь в голове важнее девок была. И что те в нем находят? Невысок, светло-русые волосы вечно растрепаны, всего и заслуг – байки сказывает да песни поет. Будто и не замечает взглядов Ники на Игната. Да ему и не до того, он с Риткой разговаривает. И чего та привязалась? Надоедливая девка. Смотрит на Стаса глазами преданной шавки. Тьфу, терпеть Игнат не может, когда бабы перед мужиком ковриком расстилаются. А эта чуть

не в рот Стасу заглядывает. Не понимает, дуреха, не тягаться ей с Никой. Бледная, веснушки по щекам, волосы цвета прелой соломы и глаз мутно-синих со Стаса не сводит. Разве ж ей стоять рядом… Взгляд снова обратился на Нику. Улыбается ведьма, чуть приоткрыв рот, так, что видно белоснежные зубы. Каждый шаг, что у кошки, грациозен, а спортивные шорты и облегающая футболка только подчеркивают природную красоту.

– А вот и вход в горницу!

Высокие деревянные ворота были чуть приоткрыты. Стас стоял, довольно щерясь и настраивая камеру мобильного.

– Что можем, нафотаем, а там разберемся, чье и кому принадлежит.

– Ты же не собираешься заходить туда? А если там охрана? И вообще это чужая собственность! – Рита вцепилась в рукав Стаса.

– А маленькие ребятишки могут не идти на дело! – проворковала насмешливо Ника и, качнув бедрами, скользнула в приоткрытые ворота.

«Хороша!» – снова воротившись к мыслям о «ведьме», подумал Игнат и уверенно пошел следом. Аглая обеспокоенно посмотрела на Риту. Стас стоял, ни на кого не обращая внимания и роясь в настройках мобильного телефона.

– Готово! – и кинулся следом за Никой и Игнатом.

Рита осталась у ворот, провожая Стаса тоскливым взглядом. Аглая налетела на этот взгляд, отвернулась. Нехорошо. И жалко. Не обратит Стас на Риту никакого внимания. Зачем ему такая, если есть Ника, рядом с которой даже симпатичная Аглая выглядела мышью серой. А девчонка надеется. Жалко ее. Да, Ника взбалмошная, капризная. А еще вызывающе красивая.

Аглая направилась мимо Риты, входя в ворота.

Игнат ушел далеко вперед по широкой, вымощенной плиткой дорожке. Перед ним, извиваясь кошкой, ступала Ника. Аглаю передернуло. И куда Стас смотрит? Игнат еще тот кобель. Наиграется в гляделки – назад, под крылышко Аглаи

вернется. Не впервой, проходили. А вот Стас? И почему терпит? Или правда не видит вызывающего поведения любимой? Или настолько занят съемкой неучтенного домика? Стас не выпускал камеру из рук, на каждом шагу делая новый снимок. И как только не спотыкается, ведь не смотрит под ноги?

Позади хлопнули ворота. Аглая быстро оглянулась. Рита посмотрела виновато, пожала плечами:

– Нечаянно!

Игнат и Ника разом презрительно оглянулись на нее. Игнат шикнул и пошел к дому, увлекая за собой Нику. Стас махнул рукой, призывая к тишине. И только Аглая ничего не сделала и не сказала. Пока ребята направлялись к дому, она осталась стоять на дорожке, прислушиваясь. Почудилось ей, что, как только ворота закрылись, стало заметно темнее, будто пелена опустилась. И ели за двором зашумели верхами. А край подернутого чернотой неба осветила зарница. Гулко хлопнули резные ставни на высоченных окнах шикарного особняка.

– Гроза надвигается, – неуверенно проговорила Аглая, обращаясь к ребятам. Но ее никто не слышал. Все уже стояли у двери. Та была необычна. С витиеватой ручкой, деревянной резьбой по всей поверхности, покрытая темным лаком. К двери вела высокая лестница с широкими перилами. Аглая такие видела только на картинках в старых домах дворян да бояр. Ну да чего только сейчас не сделают, были бы деньги, и любую фантазию воплотят в жизнь. Аглая поспешила к ступеням и остановилась. Негромко, но зло залаяли собаки. Все стоявшие у двери замерли.

– Охрана? – вопросительно посмотрела Аглая на Игната. Тот молча кивнул. Стас в это время быстро фотографировал дом.

«Такими снимками любая желтая газетенка заинтересуется!»

Отскочил на несколько ступеней вниз, сделал пару снимков. И замер, медленно опуская руку с зажатым в ней телефоном.

Аглая проследила за его взглядом. По зеленеющей площадке в их сторону двигались трое. В длинных балахонистых одеяниях. Со скрытыми под капюшонами лицами. На черных конях, роющих нежную траву тупыми копытами

и нетерпеливо грызущих удила. Глаза иноходцев прикрыты черной повязкой. Кони крутили гривастыми головами, громко сопя нервно трепещущими ноздрями. Рядом с ними шли пять огромных псов. Аглая ощутила, как по спине прошел озноб. Она никогда за всю свою жизнь не видела таких псов. Собственно, и людей таких она тоже не видела. Для охраны они выглядели очень необычно. Но кого только не развелось нынче. И приверженцы новых верований, и поклонники дьявола, и сектанты всякие. Но псы!

Выше иноходцев, с ощерившимися черными пастями, из которых вываливались до жути длинные раздвоенные языки. С желтых клыков свисала кровавая слюна. Загривки вздыблены, на толстых шеях металлические ошейники с шипами, от них тянулись поводки, теряющиеся в широких рукавах просторных одежд охранников. Псы смотрели перед собой белыми глазами без каких-либо зрачков.

– Мама! – Рита первая подала голос и бросилась назад к воротам. Следом завизжала и рванула со ступеней Ника. Стаса сдернул с места бегущий Игнат. Аглая стояла, не в состоянии отвести взгляда от жутких морд псов. Те щерились и рычали.

– Аля! – долетел издалека голос, принесенный порывом ветра.

Тонкие костлявые пальцы выскользнули из темных рукавов, щелкнули карабины ошейников. Спущенные с поводков псы тряхнули чудовищными головами.

До Аглаи донесся чавкающий звук облизываемых пастей.

– Аля!

Испуганный, истошный крик Ники подстегнул. Аглая очнулась, бросилась к воротам.

А в небесах в этот момент прогремел первый грозный раскат.

Гонка. Дикая. С завыванием. Злобная свора позади. С пугающим гиканьем охранников. Меж темными деревьями, лишь изредка освещаемыми разрывами молний.

Хрип подстегиваемых жеребцов. Чудилось, как от их топота содрогается земля. Аглая бежала, не разбирая дороги. Мчалась, ориентируясь только на зов Стаса:

– Сюда! Сюда!

Река показалась внезапно. Тянулась черной простыней, в которой не отражались ни деревья, ни огненные молнии, выбрасываемые разъяренным Зевсом.

– Стой! Это не та река! – Стас озадаченно смотрел на черную неподвижную воду.

– Что значит – не та? – тяжело выдохнул Игнат.

– Та даже не река, так, речушка. Откуда у нас такие широкие реки?

– Значит, мы не попадем к трассе? – плаксиво шепнула Ника, прячась за Стаса.

Ответить ей никто не успел. Собаки завыли совсем рядом. Игнат схватил Аглаю за руку и рванул по берегу. Крикнул на бегу:

– Куда-нибудь да выведет!

– Знать бы куда! – обгоняя его, прокричал Стас, не выпуская руки Ники.

Пугающе громко разносился за спиной крик загонщиков и вой жутких псов.

Кони разбивали копытами береговую гладь черной реки.

– Помогите! – Рита появилась внезапно, вынырнув из пелены дождя, пронеслась мимо и, обогнав всех, пропала во тьме. И почти сразу раздался вскрик: – Мост!

– Стой! Здесь не должно быть моста! – успел выкрикнуть Стас, мельком подумав: «Как и этой реки, и странного дома, и слишком необъятного леса!»

Мост и правда был, возник из темноты ночи черным перешейком. Рита бежала к нему. В ночи звонко застучали твердые подошвы ботинок по деревянному настилу.

Аглая крепко сжимала руку Игната. Рита впереди. Ника едва поспевала следом за Стасом, спешащим за Ритой.

Другой берег вынырнул из полосы неожиданно закончившегося дождя и тут же расплылся в мутной пелене тумана. Звуки погони затихли, пропал лай собак и тяжелое сопение бешеных иноходцев за спиной. Сосны стали гуще и темнее. Под ногами зачавкало, по воздуху пронесся тяжелый торфяной запах.

– Черт! В болото забрели! Ритка, стой, говорю! – выкрикнул Стас.

Его одернула обозленная, тяжело дышавшая Ника:

– Ты чего за ней бегаешь? Меня мало?

– Ты не так поняла! – останавливаясь, нахмурился Стас. Рита замерла у сосен, в испуге глядя на остальных.

– А как мне тебя понимать? Ты, вместо того чтобы меня спасать, бегаешь за этой дурой.

– Слушай, Ника, тебе не кажется, сейчас не время и не место устраивать ссоры? – мягко начал подошедший Игнат.

– А когда будет время и место? Когда я их в койке застукаю? – в сощуренных глазах Ники сверкнули молнии ничуть не меньшие, чем разрывающие небо.

– Ника, ты, как всегда, зря устраиваешь сцены, – поддержала трясущаяся от озноба Аглая. – А Стас прав, не место…

Ника поджала задрожавшие от обиды губы.

– Значит, все против меня!

Резко рванула в сторону и бросилась между деревьями.

– Ника! – донесся вслед ей крик Стаса и тут же был проглочен громким бульканьем.

– А-а-а!

– Чтоб ее! – не сдержался Стас и кинулся следом.

Ника стояла, погрузившись в темно-зеленую жижу. Ноги и тело по пояс уходили в вязкую трясину.

– Не двигайся, – напряженно прошептал Стас.

Игнат притащил толстую корягу. Вместе со Стасом они легли на животы, протягивая палку Нике.

– Не торопись, чем сильнее будешь бултыхаться, тем быстрее засосет вниз.

Ника всхлипнула.

– Ну-у, сейчас мы тебя вытащим. – Стас осторожно тянулся к Нике.

Аглая не выдержала:

– Я легче.

Легла рядом и, перехватив корягу, протянула ее Нике. Пальцы девушки достали самый конец палки, она начала аккуратно, медленно подтягиваться. И у нее почти получилось ухватить корягу рукой, когда позади Аглаи послышалось тихое шуршание и робкое, потерянное:

– Мамочки!

Коряга выскользнула из рук Ники.

Напротив, между двумя соснами, стояла тяжело дышащая тварь. Длинные клыки доставали до земли, толстые черные лапы рыли землю. Морда вытянутая, с короткими мохнатыми ушами. Под шкурой тяжело вздымались широкие ребра. А на хищной морде застыло отнюдь не звериное любопытство. Тварь задрала морду и завыла.

Игнат и Стас отступали к бледнеющей Рите.

Ника всхлипнула, в голосе зазвенели слезы:

– Аля, не бросай меня! Аленька, пожалуйста, не бросай!

Раздалось чавканье, тварь начала приближаться.

– Она сожрет меня! – заголосила Ника.

Ее вопль заставил очнуться Аглаю. Она схватила погружающуюся в болото корягу и потянула к себе.

– Всего один шажок, – зашептала. И в этот момент послышался вой псов, а следом ржание безумных иноходцев.

– Аглая, беги! – Голос Игната прозвучал издалека, осекся.

Аглая оглянулась.

Рита, вцепившись в Стаса, отступала в глушь, вместе с ними уходил Игнат.

– Ни ее, ни себя не спасешь, – проговорил он приглушенно, бледнея от ужаса.

– Не бросай! – тоскливо надрываясь, зарыдала Ника.

– Не брошу! – прошептала Аглая и потянулась всем телом вперед, ощущая, как руки увязают в трясине, а в спину задышала жуткая тварь.

– Не двигайся! – смотря прямо на Аглаю, одними губами проговорила Ника и сама попыталась подтянуться ближе.

Тварь повела носом, навострила уши. Аглая, боясь дышать, удобнее перехватила корягу. Тварь ступила в топь, и, как ни странно, крупные лапы не проваливались. Она приблизила морду к Нике, несколько раз громко вдохнула. Минуту они смотрели друг на друга. Тварь опустила морду и взялась зубами за корягу, но тут же отпустила, навострила уши, нервно переступила с лапы на лапу. Совсем близко залаяли собаки. Зло залаяли, с подвыванием и хрипом.

Тварь заерзала, закрутила головой. Принюхиваясь, втянула воздух и кинулась к деревьям. Аглая выдохнула и начала вытягивать Нику.

Последний рывок, и подруга легла рядом, тяжело дыша, сопя и пытаясь обтереть с себя тину. Та не оттиралась. Все лицо в грязи, одни глаза сверкают обидой. Меж деревьями мелькнули быстрые силуэты. Аглая схватила Нику за руку, но та выдернула ее:

– Лежи, лицо спрячь!

Девушки распластались в вонючей жиже.

Псы остановились в шаге. Один повел носом, прислушался.

Аглая не дышала, но казалось, что сейчас они услышат бешеное биение ее сердца. Вожак стаи шагнул вперед, покосился на две вытянутые кочки в тине. Из одной, ему показалось, были видны грязные подошвы. Но запах… Смрад и разложение, удушающее зловоние. Он ненавидел эти болота, они пугали. Слишком близко здесь находилось воняющее гнилью упокоение. У вожака шерсть встала дыбом.

– Ату! – Хрипящие иноходцы пронеслись меж деревьями. Тонкий конец хлыста резанул бок вожака. Он рыкнул, бросил недоверчивый взгляд на две кочки и рванул вперед, срываясь на вой. Иноходцы пронеслись следом, взрывая могильную жижу черными копытами.

Сердце Аглаи почти остановилось. Если она не вдохнет, то и правда помрет здесь, прямо в этой вонючей болотной гадости. Аглая приподняла голову и судорожно вдохнула. Ника выглядывала из-под ладони. Вой унесся далеко вперед и стал почти неслышным. А потом раздался душераздирающий визг Риты. И вмиг стало тихо. Зловеще тихо, так, что шелест листьев казался одуряюще громким.

Ника подползла ближе к Аглае, поднялась, растерла по лицу грязь. Сплюнула в болото, со злостью смотря туда, где скрылись «верные» друзья и дикая свора вместе со страшными всадниками.

– Идем! – она дернула за руку Аглаю.

– Но они там!

– Хочешь к ним?

Аглая сомневалась.

– Сама подумай, что может произойти? Ну накажут за то, что в чужие владения зашли. И вообще, это не мы их бросили. – Ника потянула ее в сторону.

Аглая все еще сомневалась. Слишком страшным и диким был крик Риты. Слишком много в нем было ужаса. Ужаса… Того самого, от которого Аглаю и саму начинало трясти, как и от холода, от вони мокрой одежды, пропитавшейся болотом. И в голове возник странный нарастающий шум. Снова послышался вой псов. Всадники возвращались.

– Бежим! – взвизгнула Ника.

По небу разнесся гром. И вниз потянулись тяжелые капли.

Больно хлестали ветви. Гроза насмехалась над убегавшими, небо чаще взрывалось огненными сполохами. И уже не капли вовсе, а сплошная пелена тонких длинных струй обрушилась на листья, землю, на бегущих по лесу девушек.

– Черт-те что! А Стас у меня попляшет вместе со своей Риткой!

Аглая молчала, вытирала с лица струи воды, то и дело заливающие глаза. Отвечать Нике было нечего. У самой кошки на душе скребли. На что уж только не закрывала глаза. Но такой подлости от Игната не ожидала! В голове гулко стучали молоточки – не то от бушевавшей в груди обиды, не то от бешеного бега. Перед глазами плясали цветные блики. Деревья, чудилось, становились все выше и гуще. И словно стонали, шептали непонятное.

– Все! Стоп!

Аглая с размаху села на усыпанную темными листьями кочку. Тряхнула мокрыми волосами. Порезы на руках и лице горели словно рассеченные раскаленным ножом. Пузырились остатки болотной жижи на коже. Аглая пыталась стереть ее, но не выходило. Даже тугие струи не могли смыть напоминание близкой смерти. Земля под ногами раскачивалась. В голове стояли шум и гул. И уже непонятно, то ли дождь так шумит, то ли говорящие деревья, а может, просто нет больше сил, вот и давит виски. А гул… Он точно под ногами. Живой и оттого пугающий. Как будто сотни голосов разом пытаются заговорить. Теперь она слышит, это не деревья. Это исходит из-под толстых корней. И мерещится, что те шевелятся, пытаются вырваться из земли. Жутко и страшно, вот только сил нет двигаться дальше.

– Ника, куда мы бежим? Мне одной кажется, что рощица слишком большая? Мы уже тысячу раз должны были выйти если не на трассу, то на стоянку!

Ника, остановившаяся у древней ели, потрогала мох на рыжей коре, шмыгнула носом. В полосе ливня девушка выглядела темным размытым силуэтом.

– Алька, ты серьезно? – крикливый до истерики голос. Ника цеплялась обломанными ногтями за ствол, и душащий хрип вырывался из легких, выпуская тонкие струйки пара, тут же сбиваемого струей дождя. – Ты вокруг посмотри! Это не похоже на нашу милую, добрую рощицу! Там же три сосны в два ряда. Да и болот вокруг нет! Это не наша роща, как пить дать!

– А что это? – из-за горящего огнем горла Аглая едва смогла выдохнуть.

– Черт его знает. Главное, выход найти. А там разберемся, куда и как попали!

Ника сползла по дереву на мокрую землю. Глаза закрывались сами собой. В висках стучало. И раны… Как же они горели, внутри словно пульсировали живые нити. Обжигающие, зловонные, разъедаемые едкой жижей болота и острыми сучьями вековых деревьев.

Вой донесся внезапно и совсем близко, заставив Нику разомкнуть веки:

– Алька!

Та не отвечала. Ее силуэт тоскливо склонился у соседнего дерева.

– Алька! – Ника испугалась. Не хватало в такой ситуации одной остаться. Пересилив усталость и пронзившую тело боль, она встала на четвереньки. Качаясь, доползла до подруги. Опустилась рядом, начала толкать:

– Давай приходи в себя.

Аглая застонала. Нехотя открыла глаза и посмотрела на Нику. Мутный, нездоровый взгляд.

– Тварь вернулась, – выдавила Ника. – Слышишь?

В подтверждение вой раздался ближе.

– Вставай, Алька! – Ника, морщась, поднялась.

Аглая вставать не хотела. Покачала головой и снова закрыла глаза.

– Не смей меня бросать! – перешла на хрипящий шепот Ника. И, вцепившись в плечо Аглаи, потянула вверх. Зашептала судорожно, еле сдерживая колотящую от страха и холода дрожь: – Ты зубы твари видела? Если двигаться не будем – сожрет. Ты, главное, шевелись, может, и побоится напасть. Главное – идти. Алька! Ты ногами передвигай, через силу, но передвигай! Слышишь меня? – Голос Ники доносился обрывками и доходил с трудом.

Аглая переставляла ноги. С болью во всем теле. Слушала и почти не понимала, что говорит подруга. Но через муть сознания доходило одно – нужно идти.

Вой то несся позади, расползаясь вокруг, то догонял и звучал совсем близко, в паре шагов. Аглая различала красные глаза, мелькающие меж деревьями. То вдруг отставал и переливался раскатисто, раздирая тьму липким страхом. Несколько раз возникала расплывчатая мысль: куда они идут? Но тут же пропадала, стоило увидеть рядом красные глаза животных. А Ника шла, не разбирая дороги. Покачивалась, цепляясь за каждое дерево, иногда оглядываясь назад, и снова спешила вперед.

Шаг, еще шаг, неимоверно тяжелый, ватными, не слушающимися ногами.

Двигаться! Двигаться!

Аглая не заметила яму, неглубокую, может, норка мелкого звереныша. Нога провалилась, выгнулась и тут же отрапортовала дикой болью. От крика свело горло, да так, что эхом отдало в голову, в глазах потемнело. Хрипя, Аглая осела на мокрую землю.

– Все по закону жанра! – в сердцах воскликнула, останавливаясь, Ника. Рукой вытерла лицо. Бросила тоскливый взгляд назад, туда, где слышался вой.

«Бросить!» – мелькнуло молниеносно на лице.

Аглая с трудом сдержала всхлип, оглянувшись на взгляд Ники. Обидно и больно вдвойне, еще и за ногу. Силы тотчас пропали. Захотелось разреветься и просто умереть. Прямо здесь и сейчас, просто чтобы не мучиться. И будто слезы начали застилать глаза, иначе нельзя было объяснить, что позади показался просвет, словно что-то светлое блеснуло, тонким лучиком пробилось. Солнце?

– Правильно, брось меня! Я больше не хочу никуда идти. Не могу идти.

– Дура совсем. – Ника подошла и села рядом. – Ты, значит, за мной в болото, а я тебя на съедение твари лесной? Я, конечно, та еще сволочь…

И осеклась, навсегда оставив Аглаю в неведении, насколько она сволочь. Из-за дерева показалась крупная тень. Огненные глаза сверкнули потусторонним светом, злобная пасть оскалилась.

– Поднимайся! – вопль Ники звоном завис в ухе. – Зубами за воздух цепляйся, ногти ломай, но вставай! – Она тянула Аглаю за руку, звонко била по щекам. – Вставай! Думаешь, она будет ждать, пока ты сдохнешь? Фиг! Живой жрать будет, по кусочкам откусывать!

До Аглаи медленно доходило сказанное. Она, сжимая зубы от боли, поднялась и посмотрела на Нику. Слезы. В красных воспаленных глазах стояли слезы, сбегали по щекам, сплетаясь с дождевыми струями, капали с подбородка. Слезы от ужаса, творящегося вокруг, оттого, что Алька может сейчас прямо здесь умереть, тогда Ника останется одна. И страх от всего этого заставляет ее трясти Алю, орать как сумасшедшую.

– Тварь! Прочь! – Ника схватила с земли палку и швырнула в горящие глаза. – Давай, Алька. Нам осталось чуть-чуть. Я уверена. Где-то это все заканчивается. А я обещаю, вот выберемся, первое, что сделаем, – яйца нашим кавалерам оторвем, а потом в кабак пойдем. Ты чего пить любишь?

– Я вообще не пью, – слабым голосом простонала Аглая.

– Ничего, я научу! – рыдая, пообещала Ника и рывком, с возникшей невесть откуда силой подхватила подругу за плечи. – Идем, Алька, вперед. Смотри, ты встала, и эта тварь посторонилась. Боится живого. Знает, в горло вгрызусь, не сдамся, – хрипела, таща на себе Аглаю. Та очень хотела сказать, что идут они неправильно – там, позади, светлее. Она это точно видела. Робкий свет сквозь тучи скользил по вершинам деревьев. Им нужно к свету! Но голос не слушался, связки занемели, и вместо слов выходил тоскливый хрип.

«Если и скажу! Позади тварь! Даст ли вернуться? Почему она идет следом? Не нападает, не бежит, идет медленно следом. Ждет, что жертвы выбьются из сил, и тогда… – Аглая сглотнула комок, вставший в горле от ужаса. – Нет. Тварь вон какая! Ей двух девчат завалить как нечего делать. Но она идет следом. Даже не воет больше. Молча идет. Как будто провожает. Совсем уж бред. А тварь смотрит и щурится. Морда задумчивая…» Мысли разрозненные, сбивчивые. Аглая украдкой поглядывала на скользящую меж деревьями тварь. Идет позади,

хрипит в спину. Тяжелое, несущее смрадом дыхание. Гонит. Гонит вперед, в глушь – черную, страшную, с тугими цепкими ветвями, с шепотом из-под корней. В голове от страха стучат бешеные молоточки. Они шли туда, откуда тонкими лапами выползал страх, еще больший, чем ужас перед крадущейся следом тварью. И чем дальше, тем чаще деревья, тем гуще тьма вокруг. Ника двигалась рывками, то и дело проклиная всех, кого знала, Аглая просто едва перебирала одной ногой, вторую волочила за собой. И от этого тело пронзала боль. Хотелось умереть, только чтобы все закончилось, и первым делом боль. Рядом сияли, уже не пропадая, красные глаза. Дышала тварь громко, выпуская из ноздрей белый пар в холодеющую ночь. И чем дальше, тем холодней становилось. Или это Аглаю начало знобить? Даже здоровая нога отказывалась слушаться, казалось, что и не идут они, а ползут неимоверно долго.

– Куда-нибудь да выйдем! – шептала разгоряченно Ника, то и дело всхлипывая. Вытирала лицо грязной ладонью и двигалась вперед сквозь леденящий ливень. Едва различая, куда идти, в мимолетных отсветах молний.

Тварь шла рядом.

«Господи, или убей, или закончи уже эту вакханалию!» – в тоске подумала Аглая. И то ли божество, смотрящее сверху, сжалилось, то ли попросту путь пришел к неожиданному финишу, но лес неожиданно расступился, открывая вид на высокий частокол. Ника остановилась, схватилась за толстые бревна рукой. Затряслась от рыданий.

– Вот так вот! Куда-то да пришли! Слышишь, Алька?! Мы дошли. Неясно куда, но дошли! Нас здесь накормят и напоят. Мы домой позвоним, и нас заберут! Алька, ты, главное, не отключайся. Мы дошли!

Она не стирала слез. Опустила Аглаю на землю и, прижимаясь к частоколу, пошла дальше в поисках ворот. И те нашлись в сотне метров. Широкие деревянные ворота, запертые изнутри. Ника шмыгнула носом, забарабанила кулаками:

– Эй! Откройте!

Послышались крики. Топот. Стук отпираемых ворот.

Аглая отрешенно смотрела в гущу деревьев. Красные глаза твари там, у деревьев, смотрели на Аглаю спокойно, выжидающе. Взгляд их был довольным. Тварь чуть выглянула из тени ветвей, и теперь Аглая увидела вытянутую черную морду. Тварь понюхала воздух и сделала шаг ближе. Аглаю затрясло. Когда-то давно она слышала байки об оборотнях и монстрах в далеких лесах, а сейчас готова была поверить. Потому что по-другому назвать стоящее напротив существо она не могла. Пугающая тварь с хищным оскалом, в жутких глазах безумный дикий блеск. Монстр подошел к Аглае, присел на корточки, понюхал ее волосы и погладил по голове огромной лапой. У Аглаи остановилось дыхание, упасть бы в обморок, чтобы не видеть, как он сейчас растерзает ее. Но убивать ее тварь не торопилась.

– Воу-у-у-у! – морда задралась вверх. Встряхнулись сидящие на ветвях вороны. Темное небо разрезала яркая молния. Тварь смолкла, ткнулась в Аглаю носом, жадно вбирая воздух. В жутких глазах появился интерес. Она отступила за деревья и уже оттуда смотрела на девушку.

«Не собиралась она нас жрать! – отчетливо поняла Аглая. – Загнала, тварь! Сюда именно гнала!» Мысль была обжигающей, от нее стало трудно дышать.

«Ника!» – в зловещем предчувствии попыталась крикнуть Аглая. Но скованное болью горло не позволило выдавить ни звука.

Ворота открылись, из них вышли двое – высокие, худые, в черных саванах. Ника запричитала, указывая на Аглаю, на себя. Губы шевелились, кричали. Аглая не слышала звуков, и даже если бы слышала, ее мозг отказывался понимать. И только глаза Ники, огромные, испуганные, с дрожащими в уголках слезами, она видела отчетливо.

Вышедшие закричали за частокол, замахали руками. И показались еще две фигуры – в строгих черных платьях.

«Монастырь? Странный. И монахи, и монашки…»

Аглая видела, как Ника устало рухнула на руки одному из вышедших. В голове стало пусто и тяжело, земля накренилась, и в наступающей тьме сверкнули и пропали в лесной чаще красные глаза. И только вороны продолжали оглашать округу криком.

Глава вторая

Ночь слишком душная, чтобы лежать под одеялом. Оно давит, не дает дышать. Слишком горячо. Аглая скинула его с себя, но жар не отступил, зато по телу скользнул сквозняк, и начало трясти. Кожу знобило. Внутри все пылало. Ломило ногу, и казалось, сейчас совсем вывернет кость, оттого лихорадило сильнее.

– Эвон как тебя, мила-ая! – Голос далекий, хороший, заботливый. Руки мягкие, пахнущие травами, укрыли одеялом, закутали трясущуюся Аглаю.

Снова нечем дышать от жара. От сковывающей внутри духоты бешенным пульсом стучит в висках.

Губ коснулась прохладная чаша.

– Пей, пей, мила-ая! – Аглая едва тронула пылающими губами край, сделала всего один глоток, закашлялась и откинулась назад, на взмокшую подушку, проваливаясь в небытие.

В тяжелых видениях то и дело мерещились дышащие огнем черные иноходцы и красноглазая тварь. Псы, хрипящие от злобы. Игнат, убегающий в темноту высоких вековых сосен.

– Прощай, Алька!

– Игнат! – От крика резануло в горле, Аглая села и тут же чуть не взвыла от боли, пронзившей ногу. Упала обратно на подушки, из закрытых глаз потекли слезы.

Несколько минут она просто лежала, ловя воздух ртом. Слезы сбегали за ворот. Аглая их не вытирала, боясь шевельнуться.

И только когда боль чуть отступила, она провела по лицу рукой, обтирая его рукавом, открыла веки.

Полутьма комнаты. Темный силуэт в самом углу.

Кто-то здесь был. Аглая слышала дыхание в тишине. Но не могла разглядеть. В темное окно пробивался слабый лунный свет. Но и он резал пылающие жаром глаза. Смотреть больно.

И душно так, что дышать нечем. Аглая схватилась за горло.

– Пить! – Не услышала сама себя, только хрип.

Но тот, кто был в комнате, расслышал. Тень поднялась, высокая, черная, подошла к Аглае. Сумеречный свет луны скользнул по длинной темной косе, перевешивающейся через плечо. В губы сунулась чаша. Аглая сделала пару судорожных глотков и чуть не выплюнула содержимое обратно.

– Пей! – приказывающий голос. И тут же расплылся во тьме силуэт, а на месте его появилась женщина, на худом лице виделось сочувствие.

– Нет-нет! – Мягкие, пахнущие травами руки приподнимают Аглае голову, не давая выплюнуть. – Проглотить нужно, иначе горячка не пройдет! Подруга-то твоя покрепче будет! Уже и во двор выходит, а ты четвертый день мечешься. Глотай. Легче станет. Глотай, мила-ая.

Аглая проглотила и еле слышно спросила:

– А где темный, высокий?

Женщина развела руками, головой покачала:

– Почудилось тебе, девонька. Здесь только я. Бред это. Вот и мерещится всякое.

«Бред», – с тоской вспыхнуло в воспаленном мозгу.

А в губы снова ткнулась чаша.

– Пей.

Аглая послушно глотнула приторно-горькую воду.

Комната поплыла, в виски ударило желанным холодком, глаза против воли закрылись. Но Морфей был неумолим. Снова темное болото и красные глаза страшной твари. Аглая дрожит и мечется по постели, смотря в ухмыляющуюся черную морду. Загнала! И тогда к ней выходит высокий темный силуэт, гладит по голове.

– Тихо! – Сквозь пальцы его льется тьма. Но вспыхивает на горизонте яркая обжигающая зарница, рассеивает тьму и шепчет голосом живого человека:

– Тшш, мила-ая! Тшш. Сколь скоро сон проходит, так и горячка твоя уходит. Тшш, мила-ая! – И пульсирующие венки на висках успокаиваются. Дыхание становится ровным, проходит боль, только иногда в комнате слышен тихий вскрик от пугающего сна.

Аглая проснулась и несколько минут лежала, не поднимая век. Прислушивалась к себе. К учащенному биению сердца.

Виски не давит. Боль отступила, как и жар. Нога шевелится без страданий. В голове пустота, как всегда бывает после мучительной болезни.

В глубине комнаты тихо, меланхолично отстукивают часы. Тик-так, тик-так.

Глаза Аглая открыла. Солнечный свет, проникающий в распахнутое окно, играл зайчиками по стенам. Прыг – и он на стене старорусской печи, находящейся в центре комнаты. Прыг-прыг – на деревянных балках под потолком. Прыг по полатям. И на божницу с иконами и лампадой. К широкому столу и вниз на скамью, на которой, сложив руки под головой, спит Ника.

– Ника!

Та приподняла голову, широко зевая и отмахиваясь от игривого солнечного света. Протерла заспанные глаза, уставилась на Аглаю и вскочила. Бросилась к кровати:

– Наконец-то! В себя пришла! Я уж думала – все!

Что «все», она не пояснила, лишь провела ладонью по красным заплаканным глазам.

– Ника, – Аглая сама испугалась собственного голоса. Тихий, шипящий.

– Голосок что надо! – пыталась шутить Ника. – Ты, когда из этого дурдома выберемся, обязательно сходи на киностудию. Там озвучивать будешь упырей и вурдалаков.

Аглая хотела улыбнуться, но не смогла. Показала на пальцах: «Мне бы привстать». Ника оживилась, схватила за плечи, подоткнула подушки, усаживая подругу.

– Тебе идет, – прошипела Аглая, указывая на черное платье на худощавой фигуре. Глухой воротник, скрывающий шею, рукава слишком длинные, не видно ладоней. Подол ниже щиколотки слегка раскачивался, когда Ника направилась к столу. Аглая засмотрелась, Ника выглядела… завораживающе. И как ей удавалось? Даже короткие волосы зачесаны к затылку и прикрыты замысловатой деревянной заколкой. Разве что портила вид непривычная бледность.

Девушка взяла со стола чашу с питьем и вернулась к Аглае, присела на край.

– Сказали, тебе нужно это пить. – Ника поморщилась. – Жуткая гадость.

– Пробовали, знаем.

Аглая взяла чашу, переводя взгляд с безжизненного лица Ники на бледные руки. Та заметила взгляд, спрятала пальцы в длинные рукава.

– Сколько? – Питье, приторно-горькое, прошло по пищеводу, заставляя его сжаться в рвотном позыве.

– Я – три дня, ты с сегодняшним – пять.

Пять! Пять дней! А Ника три. Вот откуда этот тусклый оттенок лица. Отчетливо выделенные скулы, темные глаза, утонувшие во впавших глазницах, окаймленных серыми разводами. Навряд ли Аглая выглядела лучше.

– Помоги встать!

– Вставать пока рано. – Ника приняла чашу из рук Аглаи. – Сказали до завтра не подниматься. Мне самой позволили только к тебе зайти. Ты сиди, я тебе еды принесла.

Она сходила к столу, и на колени Аглаи лег деревянный поднос, на нем плошка с похлебкой. Помня о горькой жиже, Аглая очень осторожно поднесла ложку с похлебкой ко рту, попробовала языком, потом губами, а после сунула ложку в рот. Похлебка была вкусной.

– Ты пробовала позвонить нашим? Узнала, где мы?

Ника сцепила руки, отвернулась:

– Не пробовала, у меня сотовый утонул в болоте. Но мы не дома. Не в нашем городе. Не в нашей стране. – Она поднялась слишком порывисто, не глядя на Аглаю. – Ты ешь. Мы потом обо всем поговорим.

Аглая есть перестала. Нехорошо, тоскливо застонали разом и душа, и сердце. Ника стояла к ней спиной, теребила платье и не оборачивалась.

– Ника, что происходит? Где мы? Здесь что, связи нет? Когда мы сможем вернуться домой?

Ника молчала так горестно, что Аглае захотелось вскочить и хорошенько ее встряхнуть. Но сил едва хватило даже на то, чтобы повысить голос.

– Посмотри вокруг. Что ты видишь? – Голос Ники нарушил установившуюся ненадолго тишину.

– Дом, – хрипнула Аглая. А у самой в горле засвербело. Зачесались глаза. – У бабушки такой был. Она была старообрядкой. Мы попали в общину? Староверы? Кто там еще? Монахи дикие?

Ника глянула через плечо, скользнула глазами по деревянным стенам, остановилась на божнице. Подняла руку в крестном знамении, да так и не перекрестилась.

– Это не старообрядцы, Алька, – выдохнула судорожно, и даже лицо перекосилось в неприятной гримасе. – Нет у нас больше дома. Некуда возвращаться.

Она вскользь глянула на Аглаю, тяжело выдохнула и, не произнеся больше ни слова, вышла из избы.

Аглая сидела, сжимая в руках чашу с едва тронутой похлебкой. Солнечный зайчик прыгнул в угол и пропал. Желтый диск скрылся за стеной. Из угла, с божницы, на Аглаю смотрела икона, прикрытая поверх белым полотенцем. С койки лика не разобрать. Да ей и не нужно было, все равно молитв не знала. Но шептала, глухо, с грудным надрывом, пытаясь не заплакать:

– Господи, спаси и сохрани, помоги нам вернуться домой.

И отчего ей так тоскливо? От странного поведения Ники. От бледности подруги. От диковатого вида избы. Да мало ли. Бабуля в такой же жила. Весь поселок из сруба был. Одевались в льняные рубахи, в косоворотки, молились древними молитвами. Травы собирали. Бабуля умела теми травами людей лечить. И молитвами. Много молитв знала. Аглая не записывала и не запоминала, да и зачем ей было. Теперь бы вспомнить хоть одну. Такую, чтобы сердце щемить перестало, чтобы страх отодвинуть. Аглая сложила ладони. Кончики пальцев подрагивали. Такие же бледные, как и у Ники.

«Что значит – дома нет? Не может он пропасть, исчезнуть! Дом есть. Мой. Никин. Мы вернемся».

В углу засопели. Послышалось тихое ворчание.

Топ. Топ. Топ.

Аглая перестала шептать и уставилась в угол. Никого видно не было. Она потерла и без того красные глаза. И ощутила, как медленно, тонкими иголочками, начало покалывать в области затылка.

– Ишь чего вздумали! Девок молодых загонять! Ага, так и отдал! Глаза отвел, тропы запутал. Ищи-свищи своих девиц! – бубнил голос, приближаясь к Аглае.

Она схватила одеяло за край и потянула к себе.

– А глазища-то, глазища! Ух, так и повылазили бы у них от злобы. А хорош хранитель-то. Стражей тропы в глушь увести трудновато. Да они сюды уж и не сунутся. А вот кабы соглядатаи не нагрянули. Ну да будем надеяться. Так ему ведомо, он же из своих мыслей-то стражей уводил, заводил, тропу запутывал. Видел, ох видел, потому и вел. И я вижу. Да только глаза у него мутные, стареет, вот и видел только тьму, а я другое вижу – светлое, задорное. «Може, и обернусь, и вернусь, и солнце ворочу» – во как говорили… Ишь, солнышко! Давно солнышка в Велимире не было. А ведь как бывало: со всех миров православных и далее, со всех миров иноземных, все сюда, в станицу ведовскую, тянулись…

Скрипнули половицы. Аля прижалась к спинке кровати.

Топ. Топ. Стукнул приставляемый к кровати стул.

– Мама! – прохрипела Аглая, примеряясь, сколько шагов до заветной двери. В это время на табуретке появился старичок. Именно появился, образовался из воздуха.

«Так. Я еще не пришла в себя. Я сплю», – твердо решила Аглая, не сводя перепуганного взгляда со старика. Маленький, с длинными патлами седых волос, кудлатая борода путается в ногах.

– А я что говорил? – Старик сверкнул на Аглаю огромными глазами из-под густых белесых бровей. – Пришла в себя девка-то, и вторая пришла. Но второй досталось больше. Тьмы наглоталась, силой черной дышала. Ведь в сумрачную вязь своими ногами ушла. А ты, значит, подругу свою из лап ее вырвала? Силушкой, значит, владеешь. Эк все выворачивается. Почитай, со Времен Ухода никто ведовской силушки в наших краях не видал. А тут тропа сама к грани вывела. Или не сама? Вот горемычные-то! Откуда ж ты будешь, девонька? – говорил он скороговоркой.

И до Аглаи никак не доходило, о чем толкует старик.

– Из другого мира? – Старичок положил маленькие пухлые руки на кровать. – Точно! Видал я таких. Давно, правда. Почитай, как стражи на грани встали, ни мы, ни к нам, – покачал головой. – Молчишь! Никак голос потеряла? – Карлик прищурился, всматриваясь в Аглаю. – Как есть потеряла. Вот горюшко. Силушка-то вся в душе, а в голове нет ее. Топь да болото тянули, видать.

Аглая смотрела на старика, на длинную бороду и все больше приходила к мысли: бред это. А он продолжал:

– Тьма к тьме тянется. Ничего бы с подругой твоей не случилось. А теперь ишь как, и она ни там, ни здесь… Голос-то вернется. А она как? Но смотрю, глаза у тебя ясные, тьмой не поволочены, не то что у второй. – Он тяжко вздохнул. – И как вас вдвоем сплело?

Аглая вслушивалась в невнятное бормотание старика. Сумасшедший карлик!

А он косился на нее и тяжко вздыхал:

– Давай ручку белу, поглядеть надо бы!

Аглая сильнее вжалась в стену.

– Не боись, не откушу.

Старик юрко вспрыгнул на кровать, закинул путаную бороду за плечо и схватил Аглаю за руку, повернул к себе ладонью.

– Так и думал. Силушка у тебя по кровушке. Давняя сила. Эх, вот же судьбинушка. И нет бы рядом опора да подмога, а то… – Он замер, вслушиваясь. За дверью раздался шум. – Тшш, обо мне ни слова, – сверкнул глазищами. – Негоже девкам в уме и здравии со мной говорить.

Аглая хотела возразить, что она и не разговаривала, а говорил только карлик. Но он уже проворно схватил чашу с колен Аглаи, сунулся в нее носом, удовлетворенно причмокнул:

– Это я приберу. – Спрыгнул с кровати, подхватив второй рукой путающуюся бороду. Послышалось негромкое топ-топ к углу – и тишина. В комнате никого не оказалось. Как возник из воздуха, так и пропал.

Дверь со скрипом приотворилась. Аля выдохнула, ожидая входящего. Но никто не вошел.

«Черт-те что!» – успело мелькнуть в голове, прежде чем девушка завизжала от неожиданности. На кровать запрыгнул пушистый зверек с меленькими черными глазками. Аглая подтянула к себе ноги. Зверек насторожился. Поводил коричневым носом, принюхиваясь. Аглая облегченно выдохнула, выпрямляя ноги, – это всего лишь хорек. Милый коричневый хорек. Она видела таких у бабушки, в лесу. Не тронь его, и он тебя не тронет. Хорек пробежал по одеялу, ткнулся влажным носом в лицо Аглае.

«Я все еще сплю». – Аглая протянула руку и осторожно погладила зверька. Он тихо пискнул, юркнул с кровати, бросился бегом по дощатому полу и скрылся в щели приоткрытой двери. И тут же она снова открылась. В комнату вошла женщина. На моложавом лице дугами очерчены черные брови, карие глаза по-доброму смотрели из-под густых черных ресниц. Тугая русая коса венцом лежала на голове. Женщина прошуршала темными юбками, подходя к Аглае. Черная кофта глухо застегнута до последней пуговицы. В руках глубокая чаша.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовалась вошедшая.

Аглая кивнула. Женщина поставила чашу на стол, прошла к божнице.

Затрещала тонкая лучина, по комнате поплыл сизый дымок.

Женщина подошла к кровати, села рядом и тихонько сказала:

– Меня зовут Тала, я хозяйка дома, давшего тебе приют. – Затем прикоснулась ладонью ко лбу Альки. Мягкая рука, пахнущая травами.

– Аглая.

Тала вернулась к столу, достала из стола мешочек, сыпанула пригоршню в чашу:

– Подруга твоя говорит, из лесу вы пришли.

– Из лесу, – слабо подтвердила Аглая.

– За северными воротами дурной лес. Не лес, глушь сумрачная. Невидаль, чтобы две дивчины, не обладая силами, через нее прошли.

Она не смотрела на Аглаю, толкла в чаше травяное зелье. Аглая, наоборот, глаз с хозяйки не сводила. Та то и дело подбрасывала трав из холщовых мешочков, то доставала с полки шкатулки, рылась, выуживала коренья и добавляла в чашу. Снова толкла, хмурилась, вглядываясь в чашу, бегала глазами по шкатулкам и разложенным на столе мешочкам. Брала один, второй, добавляла, мешала, вздыхала.

– Как же вам удалось?

– Тварь жуткая гнала. – Аглая закашляла, горло нестерпимо саднило. – С самого болота.

– Тварь? – Хозяйка мешать травы перестала, брови ее взметнулись вверх, вырисовывая на белом лице домики удивления. Чаша была отставлена в сторону. Тала поднялась и подошла к Аглае. Заглянула в глаза. Пристально. Пальцами потянула веки, всматриваясь в белок.

– Чисто! – сказала удовлетворенно и вернулась к столу, за работу. И как бы самой себе проговорила негромко: – Может, показалось, почудилось…

– И как Нику из болота вытаскивала, тоже показалось?

Чаша с глухим звуком треснула от удара ступы. Тала охнула и начала собирать со стола мешанку. Махнула рукой:

– Ну ее, все равно не выходит… – И повернулась к Аглае. – Из сумрачной вязи вытаскивала?

– Сумрачная она или как, а то, что вытаскивала, точно. В тине и дерьме по уши обе. – Голос Аглаи хрипел, натянутый от злости.

Тала поднялась, прошла через комнату, остановилась, смотря на божницу. Не оглядываясь, через плечо спросила:

– И хранителя вязи видели?

– Да кто его знает, но жуткая тварь с огромными клыками к нам подходила.

– И чего?

– Понюхала и ушла. Потом она нас к деревне и выгнала. А еще всадники на черных конях гнались с псами огромными…

Тала икнула. Схватилась за сердце. Оглянулась так резко, что всколыхнулся огонек лучины, воротилась к кровати. Присела рядом с Аглаей.

– Ты не серчай, я не из праздного любопытства расспросы веду. К нам со Времен Ухода чужаки не заглядывали. Это раньше, бывало, со всех миров тянулись на смотрины ведовские, на посвящение, на празднества. – Она смолкла. Тяжело вздохнув, поднялась, снова прошла к иконе, теперь рука ее поднялась, сотворяя крест. И Тала начала шептать. Слова были тихие, тоскливые. Аглая поежилась. Как будто об усопших молитва лилась из уст хозяйки. Имена говорились, на бледном лице скорбь. Так и есть, заупокойная. После снова сотворила крест. Аглая механически подняла руку и тоже перекрестилась.

– Упокой Господи… – И сама испугалась. – Свят, свят…

Тала оглянулась, посмотрела устало:

– Святых молю, знаю, не слышат, а рука тянется. А то как же, когда даже веточку положить некуда, только вера и остается. Вот я молюсь и верю, что уйдут в Царствие Небесное. Может, хоть о ком-то да услышат, хоть кого-то проклятие отпустит, и вспорхнет душа покаянная. Не станет люд живой тревожить, песни замогильные вести да в мор скотину вгонять. Иной раз смотрю с надеждою, говорю, как будто рядом стою. А что они? Разве ж можно мне, живой, с ними беседы вести? Не слышат. А коли и слышат, отвечать не торопятся. Обида глубокая на живых, проклятием черным разъеденная. – Знахарка тяжело вздохнула. – Знаю, что души отпустит упокоение. Да только нет его ни мертвым, ни живым.

Аглая моргнула.

Что значит – беседы вести? С кем вести? Кому упокоение? Мертвым или живым?

Сумасшествие. Или нет, не она. Тала сумасшедшая? «Не старообрядцы», – Ника сказала. Аглая и сама теперь это видит. Уж ей-то не знать. Бабушка жила в глубинке, в тайге. И Аглая даже ездила к ней летом на каникулы. Хорошая была бабушка. А какие песни пела:

То не ветер ветку клонит,

Не дубравушка шумит —

То мое сердечко стонет,

Как осенний лист дрожит…

Хорошо пела. Даже сейчас, через столько лет, едва вспомнила, как донесся в воспоминания ее чудный, слегка подрагивающий в грустном напеве голос. Долго Аглая приходила в себя, узнав о смерти бабушки. Но и в последний путь ушла та с чистой душой и светлым разумом.

А что здесь творится?

Пугающий старик карлик несет чушь. Тала говорит словами вроде и понятными, а вызывающими страх. Аглая не хотела ее понимать. Перед глазами вставала Ника с глубокой тоской в глазах. «Нет больше дома. Некуда возвращаться!» От всего этого хотелось спрятаться, убежать. И все равно, что не знает, в какой они

стороне. Где-то да есть дорога. Найдут тропу! Вернутся домой!

– Тала, – осторожно начала Аглая. – Мне бы выйти.

Тала вернулась к столу, опустилась на скамью:

– Выйдешь, погодь немного. Позже не захочешь, а уходить придется. Глава вас в поселении не оставит. Опасно. Стражи не сунутся, слишком далеко ушли от грани, а вот соглядатаи коли узнают… Отдохни, силы тебе понадобятся.

– Да я вроде и так наотдыхалась. – Аглая резко поднялась, скинула ноги с кровати и встала. Ступни тут же запутались в длинной рубахе. Голова пошла кругом, комната пошатнулась, в горле встал тошнотворный комок. Аглая ухватилась дрожащей рукой за спинку кровати и села обратно. Тело бросило в жар, лоб и щеки заблестели от выступившего пота.

Тала участливо покачала головой:

– Обожди малехо, там и сил поболе будет.

Она посмотрела на треснувшую чашу. Отставила ее на подоконник, сама полезла в полку на стене. Достала широкую кружку, кинула травок из разных мешочков и вышла.

Вернулась быстро, кружка парила.

– Выпей! – протянула хозяйка варево.

Аглая с сомнением глянула на густую зеленую жидкость.

– Надо. – Тала сунула кружку под самые губы. Носа достиг неприятный запах прогорклой прелости.

«Не хочу!» – завопил желудок и болезненно сжался.

Но силы Аглае нужны были. Она заткнула нос и сделала несколько больших глотков. Гадость. Редкостная. Аглая с усилием сделала еще глоток и с удивлением посмотрела на хозяйку. Дрожь и жар отступили. Круговерть в голове прекратилась, сменившись сонным отупением.

– Вот видишь, хорошо, – проворковала Тала и улыбнулась. Хотя в последнем Аглая не была уверена. В сознании, неумолимо завлекаемом в дремоту, все поплыло. – Отдохни, мила-ая!

– Отдохну и пойду. Домой мне нужно, – вяло пробормотала Аглая, закрывая отяжелевшие веки. Теплые руки, пахнущие травами, аккуратно положили ее в кровать, укрыли одеялом.

– Пойдешь, обязательно пойдешь, – с горечью прошептала Тала, отходя от кровати. Взяла с подоконника чашу с остатками зелья, глянула в нее: темный путь, светлый путь, путаная дорога, все сплелось, размылось, трещинами покрылось. – Долгая у тебя дорога, мила-ая! А уж тяжелая…

Глава третья

Громко, испуганно кудахтали куры. Возмущенно кричал петух. И где-то надсадно брехал пес. Весь этот гвалт перекрывался вороновым карканьем.

В открытое окно тянуло вечерней прохладцей.

Аглая поднялась. Сил от отвратительного на вкус варева и правда прибавилось. Немного кружилась голова. Но ноги ступали твердо. Да и руки не дрожали, не покрывалось испариной тело от малейшего усилия.

Аглая прошла к окну.

Зеленый дворик, за деревцами невысокий штакетник. Деревянные домики под соломенными крышами. На изгороди тройка кур и петух, голосивший на всю округу.

– Пустоголовы! – беззлобно прокомментировала Аглая, переводя взгляд к калитке. К ней вела вытоптанная тропинка. В паре шагов от нее коричневый пес с толстой цепью на плешивой шее. Он хрипло потявкивал, задрав голову в небо. Аглая проследила за поднятой мордой. Синее небо с легкой краснотой уходящего солнца разбавлялось кружащими силуэтами воронов. Их было много. Очень много. Они сидели на верхушках далеких елей. И на ближних штакетниках. На соломенных крышах.

«Кар-р-р!» – гулко, злобно разносилось по округе.

«Ау-у-у!» – затягивал в унисон старый пес.

Тревожно хлопали крыльями взъерошенные куры. И только петух тряс гребнем, семенил лапами по изгороди, и голос его звонко разбавлял карканье. Он будто пытался разогнать воронье. Выворачивал голову, посматривал глазом вверх, настукивал шпорами. В ответ ему звонко разносилось пение другого поселкового петуха. И они вторили друг другу. И еще один голос вплетался, совсем издалека. Да куда там паре-тройке петухов против такой стаи. Воронье даже не смотрело в их сторону. Кар-р-р!

Аглая отступила от окна. Жутко. Не то от собачьего воя, не то от вороньего крика. А может, от всего разом. И маетно как-то.

Помнится, у бабули в деревне хорошо было. Тепло. От людей, от того, что из ближайшего леска травой и ягодой тянуло. Дождик. Летний, слепой. По сенцам. Крап-крап. Аглая лежит на свежевыкошенном и смотрит в щели толстых балок, прикрывающих крышу амбара. А потом босиком, по влажной траве, до дома. Там уже бабуля крынку с молоком на стол поставила и хлеба свежего. Запа-ах!

Аглая проглотила слюну. Бросила быстрый взгляд на стол. Краюха хлеба и кружка с варевом. От вида варева стало муторно. Она взяла краюху, жадно откусила, озираясь, нет ли ведра с водой.

От еды ее отвлек стук калитки. Аглая икнула, покосилась на неаппетитную кружку и все же взяла. Нехорошо при хозяйке икать. Сделала глоток. Цыкнула сама на себя. В кружке оказался компот. Невесть из каких ягод, в них Аглая никогда не разбиралась, не сладкий, но в меру кислый, смягчающий сухоту в горле.

Именно с кружкой и куском хлеба в руке ее застал входящий.

Аглая икнула сильнее от неожиданности.

«И отчего решила, что Тала пришла? Мало ли кто может зайти, калитка-то, поди, даже не запирается».

Вошедший при виде Аглаи усмехнулся. Высокий крепкий парень в черной косоворотке, подпоясанной черным же плетеным ремнем. Черные штаны заправлены в высокие кожаные сапоги. Пожалуй, вид его, учитывая события последних дней, навряд ли мог заставить Аглаю удивиться. Но брови ее все же взметнулись вверх. Поверх рубахи лежала толстая черная коса, тянувшаяся почти до пояса. Глаза на слишком белом лице казались серыми воронками под темными дугами бровей.

Аглая громко сглотнула вставший в горле последний глоток компота. Отставила кружку, хлеб так и остался в руке.

– День добры-ый!

Она снова икнула. Вошедший нехорошо усмехнулся, оценивающе всматриваясь в девушку.

– Слышал, издалека прибыли, – сказал, не здороваясь и не сводя глаз. А те то темнели, становясь черными, как угольки, то снова покрывались серой дымкой, пристально вглядываясь в Аглаю.

Она растерянно кивнула. И тут же разозлилась на себя. И чего такого? Ну сидит, а вернее стоит, ест, никого не трогает. Вваливается этот…

– Оно и видно, – сказал «этот» хмуро. – У нас не принято девкам в ночных рубахах перед мужиком являться.

«Девкам!» – резануло слух.

– У нас не принято без приглашения вваливаться! – Смерила вошедшего пренебрежительным взглядом. Принято у них здесь! Хм! Пусть смотрит, не голая, поди.

А он смотрел. Нагло и цинично.

– Хороша! – кивнул. Аглаю обдало жаром, да так, что щеки запылали. – Подруга, пожалуй, лучше будет. – Из жара бросило в озноб.

– А я вроде в невесты не набиваюсь, чтобы смотрины устраивать. А ты, коли у вас негоже на девчат в нижней рубахе смотреть, отвернулся бы.

Он продолжал смотреть и лыбиться насмешливо.

– Я разве говорил, что смотреть не принято, я сказал, что девицам негоже в рубахе перед мужиком. А коли сама показывается, отчего же не смотреть.

От возмущения затрясся желудок.

– Вон пошел!

– С чего это? – искренне удивился парень.

– С того, что это не твоя хата, нечего здесь делать.

– Ишь ты какая гонористая. – Он облокотился о косяк. – А ежели моя хата, тогда что?

– Тогда… тогда я пойду… – Аглая уверенно направилась к двери.

Он не сдвинулся с места:

– В нижней одеже пойдешь?

Аглая отчего-то с надеждой глянула на божницу. Лик на иконе смотрел укоризненно-назидательно.

«Чтоб те с громом провалиться!» – подумала Аглая, переводя взгляд на непрошеного гостя.

– И что? Мне здесь не жить и детей с вашими мужиками не крестить. – Она сделала очередной, но уже не столь уверенный шаг.

– Нельзя, – сурово посмотрел гость, сложив руки на груди. Ухмылка стянулась в тонкую полосу губ. Он сощурил глаза.

Аглая отступила. Нехороший у него был взгляд – темный. «С таким в глухой чаще повстречаешься, там, пожалуй, и останешься», – подумала испуганно.

– Чего на входе встал? – провозгласила голосом Талы открывающаяся за его спиной дверь.

Гость посторонился, но глаз с Аглаи не сводил.

Хозяйка вошла в избу, в руках таз, полотенце на локте. Поставила таз на стол, перевела дух и обернулась к парню:

– Так и будешь стоять? Выйди, кувшин да узел в сенях. Принеси! – Закинула полотенце на плечо.

Он скривился, косо глянул на Талу:

– Не прислужка я тебе. Коли надо, так ее и направь, – кивнул на Аглаю и откинул косу назад. Взгляд так и сверлил. – Глава чуждых видеть хочет. Поутру у себя ждать будет.

– Не прислужка? Так и нечего здесь хвостом крутить. Передал? – уперла руки в бока Тала. – И на выход. Нечего почем зря здесь отираться. Видишь, не в себе

девонька, а ты и рад глазенки почесать.

Аглая, чувствуя поддержку, встряхнула головой, резко глянула в лицо обидчику. Он нехорошо усмехнулся. В темных глазах отразился отблеск заходящего солнца и тут же погас, поглощенный тьмой, разраставшейся в глубине зрачков.

– Давай отсель! – вскинула руки Тала. Гость скользнул в дверь. Тала направилась следом и тут же вошла обратно с кувшином. И только тогда облегченно выдохнула: – Принес неладный. Хуже воронья. Никогда доброго слова не скажет.

– Кто это? – Аглая поежилась от вечернего сквозняка и воспоминания о взгляде гостя. Странное чувство, будто видела уже. Да только где она могла видеть его? Здешние края уж точно ей незнакомы. Аглая задумчиво смотрела в раскрытое окно. Гулко хлопнула калитка, пес проводил непрошеного гостя гавканьем, петух прокричал, вытянув вслед шею, и тряхнул гребнем.

– Аглая!

Она оглянулась. Тала указала ей на таз с водой, положила полотенце на скамью, из кармана выудила кусок коричневого мыла.

– Тимир, найденка. Глава его в детстве в дебрях восточных нашла. То ли родителям в тягость стал, то ли… Ты голову ниже наклони. – Тала смолкла, с тоской глядя в открытое окно и намыливая Аглае волосы. Пес во дворе завыл. Тала начала поливать из кувшина. Вода стекала пенными ручейками, от травяного запаха мыла стало горько в носу. Аглая жмурила глаза, но их все равно щипало.

– Темный он. Сила в нем, да не ведовская. Ведовской-то уж нет у нашенских. Всю Гаяна стерла начисто. А силушка вот вдруг объявилась, уж и не ждали. Да только темная. В былое время отправился бы в Обитель. Ведьмы провели бы ритуалы нужные, стал бы наш Тимирка жрецом. А теперь жрет его это изнутри. Щерится. Иногда так глянет, что душа готова вон выпростаться. Того и гляди, сила сама свое возьмет. Неподчиненная, как такой силой повелевать да в какое русло направлять? Бывало, в давние времена не успевали в Обитель носители и становились сумеречными, не справившись. Не люди, не жрецы, не мертвые, не живые. Так в то время знающие еще были, да и то без ведьм приходских не обходились, а тут мальчишка, да совсем один. Ох, возьмет чернь свое. Застонет

поселок. Сила темная в неподчинении! Вся округа содрогнется, завоет в мучениях. Да только ненадолго. Соглядатаи разнюхают, несдобровать Тимиру.

– Так, может, и лучше, чтобы его того… Ну, если опасен. – Аглая запрокинула голову, кутая в полотенце, вытерла ладонью мокрое лицо.

Тала посмотрела на нее вопрошающе. Отошла к рукомойнику, вытерла ручки о рушник:

– Холода сколько в словах твоих. Никак обидел кто? Мужчина?

Аглая не ответила. Тала нахмурилась, указала на узелок:

– Здесь одежа твоя, перекинься.

Аглая была уверена, что одежа – то самое черное, в пол, платье.

Взяла куль, размотала. Не ошиблась. Наскоро переоделась.

Тала ушла на улицу, вылила воду и накрыла на стол. После еды милостиво кивнула:

– Пошла бы прогуляться. Ишь вся серая стала.

У двери висело круглое зеркало. Аглая глянула на отражение. Лицо худое, впавшие от жара и болезни щеки, да так, что скулы выпирают. Зелень в глазах поблекла, став больше похожей на муть болотную. Аглаю аж передернуло. Темные круги под глазами.

– Иди, иди во двор. Воздух тебе нужен. Живого мира почитай пять дней не видела. Там у ворот подруга твоя, вся изнемогла. Вам небось потолковать нужно.

Аглая, услышав про Нику, на ходу обула стоявшие у порога кожаные сандалии и выскочила наружу:

– Ника!

Подруга махнула рукой:

– Алька!

Ника полезла обниматься. Шарахнулась в сторону проходящая мимо женщина с ребенком на руках. Тот от резкого шага заголосил. Ника кинула на них неприязненный взгляд и потянула Аглаю прочь, мимо низких изб по узкой улочке. Махнула стоящему у открытых ворот пареньку. Вывела за околицу в поле. И только здесь остановилась:

– Смотри, Алька!

Зеленые, кое-где подернутые осенней желтизной травы тянулись почти до горизонта, где их проглатывали гигантские деревья. Вороны зло граяли в выси. Аглая ошарашенно осмотрелась:

– Где мы, Ника?

– Хороший вопрос. Ответить некому. Поселковые шарахаются от меня, как от прокаженной. Девки креститься начинают, мужики и те волками смотрят. Тетка, у которой в хате живу, лишнего слова не скажет. Вечером придет только для того, чтобы еды принести, и тут же за дверь. Дикие. А говорят как – с вензелями и присказками.

Аглая задумчиво села на пригорок. Из поселка тянуло варевом, доносились крики детворы, лай собак. И все перекрывало карканье воронья.

– Странная местность. И люди странные.

Ника опустилась рядом, подняла с земли соломинку, сунула в рот, пожевала и выплюнула.

– Алька, мы не дома… не в нашем мире.

Аглая посмотрела на Нику недоверчиво.

– Неужели сама не видишь?

– Ты звонить домой пыталась? – Аглае совсем не нравился разговор.

Ника нервно усмехнулась:

– Так я уже говорила, мой телефон в болоте покоится. А здешние жители про сотовую связь слыхом не слыхивали.

– А мой, пока бежали, потерялся, – призналась Аглая.

– Да если бы даже остался, толку мало. Ты вокруг посмотри. Хоть один столб видишь? Ни высоковольток, куда ни глянь, ни простых опор. За все дни ни одной машины в деревню не заезжало. Зато парнокопытные в каждом дворе. А вчера вечером… – Она задумчиво всмотрелась в даль. – Алька, ты меня можешь за сумасшедшую считать… В поселке четверо ворот, и все на ночь запираются. Не ходит здесь люд по ночам. Тихо, как в гробу. Выйти за ворота после того, как солнце село, невозможно: стоят, охраняют. Я уж было подумала, всяко бывает, может, банды какие лихачат, места-то дикие… – Помолчала. – Не банды. Пока солнце не село, вышла за ворота, думаю, окрестности огляжу, может, где и на трассу выйду или встречу кого, позвонить попрошу…

Шла Ника не сворачивая, помня, что именно так и можно заблудиться, шаг влево, шаг вправо, и закрутит-завертит тропа узкая. Отошла вроде недалеко, да только оглянулась и поселка не увидела, будто не было. Поле сорное да кусты ежевики дикой, можжевельник испуганно трясет ветками на ветру, дереза за подол колючками хватает. Отчего стало страшно? Оттого ли, что внезапно поняла, что потерялась, или от чувства одиночества, так же внезапно обрушившегося на неуемную головушку? Развернулась и обратно направилась. А сердце гулко стучит да трепетно. Уж не километр, все пять прошла. Выдохлась, но не видно ни высокого забора, ни ворот бревенчатых. Тропа выворачивала, крутилась под ногами, забредала за кусты, хотя Ника точно помнила, что никуда не сворачивала. От страха завыла в голос.

– Никак заблудилась-заплутала, девица красна?..

Ей даже оглядываться было страшно, так жутко прозвучал невесть откуда возникший хриплый, дрожащий голосок.

– Что это ты не отвечаешь, девица? – елейный голос. Топает, ногами по земле чавкает, будто по болоту их тянет.

«Не оглядываться, только не оглядываться», – уперто твердила себе Ника и шла вперед, с ужасом понимая, что тропа уводит в лес. Тот самый, откуда с Аглаей вышли. Тот, где болото, тварь и черные иноходцы с гикающими наездниками. А позади хриплый не отстает, Ника его спиной чует.

– Обернись, краса-девица! Я ничего молодец! – Хихикает мерзостно, а по коже у Ники мороз. – В дом свой приведи, с родителями познакомь, я мужем хорошим буду.

Ника остановилась у первого дерева. Куда далее? Вперед, в чащу жуткую. Оглянуться еще страшнее – встретится нос к носу с хриплым и отчего-то твердо знает: нельзя. А хриплый уж в спину дышит, и чует Ника, как пальцы рук ее касаются. Холодные, влажные. От ужаса у самой ладони вспотели, в жар кинуло. Стоит и трясется.

Откуда внезапно вышел огромный черный волк, не заметила. Только остановился и щерится. Руки тут же от Ники отдернулись. Волк прижал уши и, не издав ни звука, прыгнул. Нервы не выдержали, Ника зажмурилась и завизжала.

– Ты чего тут после захода шастаешь? – сказали прямо в ухо, прерывая визг.

Ника распахнула глаза. Перед ней стоял высокий крепкий парень. Ни волка, ни хриплого за спиной не было. Солнце уж давно зашло. Вокруг тьма. И забор бревенчатый, вот он, рядом, в шаге от нее, высится темным ребристым полотном. Ника кинулась на шею спасителю, не рыдала, тряслась всем телом, не в состоянии успокоиться.

– Говорили тебе не выходить одной за ворота. Чего на ночь глядя поперлась? – волок ее спаситель к створкам. Рука крепко сжимала запястье, Нике было больно, но от пережитого страха она не могла сказать ни слова. И только когда парень впихнул ее в калитку ее дома, выдавила приглушенно:

– Спасибо!

Он сверкнул темными глазами, на секунду отразившими блеклый свет луны. И совсем близко завыли соседские собаки. Протяжно и дико, будто восстала в них кровь древняя, волчья. Ника не могла сдвинуться с места, пока не пропал спаситель во тьме. Собаки еще долго выли, а позже скулили, испуганно прижимаясь к косым будкам и забиваясь под сени.

– Странный, – подвела итог Ника, выдрала из земли соломинку и начала ее жевать. – Парень вроде, а коса по пояс.

– Черная?

Ника кивнула.

– Тимир его зовут, – вздохнула Аглая.

– Ты успела познакомиться?

– Пришлось.

И обе замолчали. Смотрели на зеленые травы, в затухающую синеву неба и прощающиеся с днем солнечные переливы, на воронов, кружащих над поселком. Тоскливо и муторно, и воронье вроде не в небе грает, а в душе царапается, кричит сотней голосов.

– Алька, тот хриплый… Я ведь уверена была, что неживой. Не знаю, кожей чувствовала, если оглянусь, тут мне и конец… И по ночам они у ворот ходят, я слышала, как зовут к себе. По именам. Стену когтями царапают, ногами землю ворочают, чавкают, а только рассвет скользнет – пропадают. Я к сторожам ходила, спрашивала. У виска крутят, говорят, совсем на голову пришибленная, ну, мол, чего взять, считай, полуживая пришла, вот в уме и мутится. А я слышу их… Алька, я не сумасшедшая. Я голоса их от живых отличаю. Страшно! – Ника нервно теребила в зубах соломинку. Вроде как и закончила рассказ, только побоялась сказать о том, как руки чернели, когда спаситель, крепко сжимая ее запястье, тянул к воротам. Как в глазах потемнело и казалось, что вот сейчас вырвется из нее нечто злое, жуткое, и как оно тянулось по пальцам к спасителю,

а едва коснулось, и тот задрожал. Лицо серое стало, когда в калитку втолкнул. Уходил шатаясь. И видела Ника за спиной уходящего Тимира черную пелену тьмы. И скользящие тени дымчатые по сторонам. Оттого и собаки выли – чуяли. Оттого и ей не просто страшно, а жутко было, да так, что сама готова была завыть. Да только в тот момент будто внутри что-то лопнуло и зашептало: «Выпусти! Не бойся, я с тобой!» У Ники от голоса того волосы дыбом встали. А после она всю ночь сидела на кровати, поджав под себя ноги, дрожала и прислушивалась, уснула лишь под утро.

Зеленые травы чуть волновались на слабом ветру. Бледное задумчивое лицо Аглаи было повернуто к лесу на горизонте. Глаза цепко всматривались в даль, пытаясь увидеть хоть что-то знакомое. И не видели.

– Может, мы умерли и попали в мир мертвых?

Ника ткнула в Аглаю соломинкой.

– Ты чего? – взвилась та.

– Чувствуешь? То-то и оно. Мертвым уж, наверное, боль нипочем.

Аглая смотрела на ладонь. Крохотная красная точка от тычка. Потерла. Больно.

– Смотрю, вы наконец соизволили одеться! – раздалось за спиной.

Ника обернулась. Аглая вспыхнула, узнав голос подходящего к ним парня. Он остановился за ее спиной.

– Буду предельно вежлив. Доброго вечера. Однако до вас не только слова, но и приключившееся не доходит, – последнее он адресовал Нике. Та побледнела.

– Волки съедят? – Аглая не желала разговаривать, но от рассказанной Никой истории на теле выступили мурашки.

– Если повезет, то волки, – согласно кивнул неожиданный собеседник. – Только они к поселку не пойдут. А вот кто пострашнее… Солнце садится.

Ника хотела добавить, что видела совсем рядом и волка. Но не успела.

– Здесь есть кто-то страшнее тебя? – спросила, поднимаясь и оборачиваясь к собеседнику, Аглая. Как раз чтобы увидеть, как насмешка на его лице меняется на гримасу неприязни.

Ника покосилась на виднеющийся на гризонте лес:

– А отстреливать не пытались?

Молодой человек нехотя перевел на нее взгляд:

– Не срабатывают против нежити пульки незаговоренные. А заговаривать в нынешние времена некому. Перевелись ведьмы.

Аглае послышался тихий звон в ушах, успела заметить, как Ника совсем побледнела, дыхание стало редким, прерывистым.

– Какие ведьмы? – тихий шепот перешел в хрип.

– Все! Все перевелись. Вернее, перевели. Изжили уходящей властью, – без тени смешка ответил собеседник, и зрачки его стали темнеть.

Ника схватила Аглаю за руку. Муторно и нехорошо стало от взгляда Тимира.

– Мы пойдем.

– Вот так сразу? А мне казалось, некоторое время назад вы очень желали узнать о происходящем здесь. Кто-то даже не побоялся выйти за ворота в ночь.

Ника глянула на Аглаю. Бледность сошла с лица, заменившись желанием уйти, сбежать от неприятного собеседника.

– Я шарахаться от вас не стану.

Он пристально смотрел на Нику. И от этого взгляда было не по себе не только Нике, но и Аглае. Она разозлилась уже не только за свой страх, но и за Нику, внезапно занервничавшую:

– Чего же так? Не боитесь нас?

На бледном лице юноши растянулась тонкая улыбка презрения.

– Я? Вас? – Казалось, он сейчас засмеется. Не засмеялся. Улыбка сползла. Он протянул руку Нике: – Тимир. Мы вроде забыли познакомиться.

Ника снова покосилась на Аглаю. Что ей ответить? Аглае он был неприятен.

– Не бойтесь, я хороший.

– Тала так не думает, – осторожно шепнула Аглая.

– Тала! – Тимир кивнул. – Тала умная. Ее нужно слушаться.

– Значит, мы пошли. – Ника потянула Аглаю за рукав. Но ее руку тут же перехватил Тимир. Пальцы крепко вцепились в тонкое запястье. Ника охнула.

– Мы не закончили…

Аглая ухватила парня за другую руку:

– Не смей!

– Чего не сметь? Я пока ничего не сделал. А вот она сделала. – В потемневших глазах заплясали воронкой черные вороны. Они затягивали, увлекали. Воронье в небе поддерживало их криком. Аглае почудилось, что все вокруг стало заметно темнее. Разом посерело заходящее солнце. Пожухли травы. И лицо Ники стало темным, безликим. Будто жизнь оставила ее, и только в глазах плескался ужас, словно видела она перед собой не Тимира, а нечто страшное.

– Сила темная, если свое возьмет, будет в неподчинении. Застонет округа, завоет от муки. Да ненадолго. Соглядатаи разнюхают, не жилец ты тогда, – звенящим шепотом в ухо парня повторила Аглая мрачное предзнаменование Талы. И сама содрогнулась, когда посмотрел на нее Тимир. Под потемневшими глазами залегли глубокие черные круги, не было ни радужки, ни век, только черные глазницы на бледном лице.

– Не то ты видишь. Ее не от меня спасать нужно… – он не договорил.

– Пусти! – отчаянно, зло прохрипела Аглая.

Тьма из глаз Тимира метнулась наружу. Аглая крепче вцепилась в удерживающую Нику руку. Заломило пальцы.

– Пусти!

Тьма остановилась. Крутанулась воронкой.

– Изыди! – захолодев от ужаса, хрипом выдавила Аглая первое, что пришло в голову.

Тьма замерла. Посерела. Отхлынула от лица Тимира мертвенная бледность. Вокруг Аглаи снова заиграли краски. Окрасился багрянцем закат. Изумрудной зеленью поднялись вершины деревьев-исполинов. И только трава так и осталась жухлой, словно выжгло ее солнце досуха. Рука Тимира, державшая Нику, ослабла. Аглая рванула ее в сторону. Тимир отшатнулся и безмолвно упал на колени.

– Бежим! – разнесся голос пришедшей в себя Ники. Она схватила растерянную Аглаю за руку и потянула. Аглая рванула следом. Пробежала сотню шагов и остановилась. Оглянулась. Тимир продолжал стоять на коленях у поля. Его сотрясала крупная дрожь.

– Стой, Ника!

Та споткнулась от резкого вскрика, глянула непонимающе. В расширенных зрачках еще стояло то жуткое потустороннее, что видела она в Тимире.

– Только не говори, что собираешься ему помогать! Он же… он… – Ника задыхалась от ярости и страха.

– Тала сказала – нельзя, чтобы им сила овладела. Потому что темная. Всем плохо будет.

– Ты не видишь! Если есть в нем темная сила, то она им явно уже овладела!

Аглая нахмурилась:

– Он все же отпустил тебя.

– Повезло, – согласилась Ника и тут же покачала головой. – Второго раза может не быть.

Аглая была согласна с Никой. Только… Не в ее правилах бросать слабых. А Тимир сейчас был слабым. Аглая видела это, чувствовала на расстоянии. Она уверенно пошла к парню. Остановилась за спиной.

– Тим… Тимир, – боязливо прикоснулась к дрожащим плечам.

– Помоги мне! – едва слышное бормотание.

Аглая обошла его. Тимир с трудом приподнял голову. Лицо серое от напряжения. По лбу стекали капли пота. Он обнимал себя руками. Коса растрепалась.

– Помоги!

– Даже не думай! – перехватила ее руку Ника.

Аглая холодно отстранила ее:

– Я могла бы не думать и там, у болота.

Ника закусила губу. Вместе они помогли Тимиру подняться.

– Где твой дом? – как можно громче спросила Аглая, превозмогая боль в горле.

– Домой нельзя, – прошептал он. – Там мать… Изгонит…

Аглая воззрилась на парня. Какая мать? Что значит – изгонит? Тала говорила…

– Приемная! Килла, – он едва шепнул и повалился на руки Аглае.

Ника успела подставить плечо:

– К нам точно нельзя. Меня хозяйка и так не сильно любит…

– Тала. Она не выгонит, – кивнула Аглая на бесчувственное тело Тимира. – Здесь его нельзя бросать.

Ника заглянула в лицо юноши и спросила:

– Алька, куда мы с тобой попали?

Аглая пожала плечами:

– Не знаю. Но нужно как можно скорее отсюда выбираться.

Глава четвертая

Тала намочила тряпку в глиняной чаше, наполненной вязкой жидкостью, и протянула Аглае:

– На сердце положи. А ты заставляй пить, – она кивнула Нике, держащей у губ юноши кружку с питьем. – Чернь на время выгонит. Вот же навеяло. Недаром

воронье с утра кричало, беду зазывало. Чтоб их… – Она вздохнула. Наклонилась над Тимиром, приоткрыла одно веко, заглянула. – Закончилось спокойствие. – Знахарка отошла, накинула на плечи платок. – Вы пока присмотрите за ним. А я к главе.

– Он не хотел, чтобы Килла знала. – Аглая посмотрела на Талу.

Та сокрушенно вздохнула:

– А что делать? Тьма вокруг него, в нем ужо сидит. Сейчас не скажу, а опосля вся округа от делов поляжет, кому каяться буду? – И воззрилась на Аглаю. С вызовом, с трепещущей надеждой, словно грех тот она на себя может взять. Брать на себя грех Аглая не хотела, как и каяться за судьбу округи. Ей бы свои горести разгрести. А хозяйка стояла, глядя выжидательно. И Аглая кивнула: иди.

Тала перекрестилась перед дверью и скользнула в ночь. Тявкнул, провожая хозяйку, пес, забормотал спросонья петух на плетне, заквохтал и тут же успокоился. За поселком завыли волки.

Аглая посмотрела на Тимира. Он глухо стонал, пальцы судорожно хватались за простыню, рвали ее и тут же отпускали в изнеможении. Иногда он поднимал руки, проводил ими по воздуху, словно дугу рисовал, тогда на кончиках пальцев появлялись темные пятна и шла от них черная радуга. Он начинал биться в кровати, ронял ладони, мял в припадке одеяло. Открывал глаза – темные, сумрачные, водил ими по избе, ища что-то, но натыкался взглядом на Аглаю, вздрагивал и отключался. Дрожали закрытые веки, тонкие губы безмолвно что-то шептали.

– Алька, как думаешь, помрет? – тихо спросила Ника и, насилу приоткрыв Тимиру сжатые зубы, влила в рот несколько капель варева из кружки.

– Может, и помрет, – пожала плечами Аглая. Жалко не было. Было страшно. И маетно. Нехорошо на сердце. Вспоминались серые Никины лицо и губы… Аглая была готова поклясться, та что-то шептала. Теперь же смотрела, и на лице ее, как и у Аглаи, не было жалости. Как же вышло, что вот так быстро они стали жестокими? А ведь Тимир ничего дурного им не сделал. Даже наоборот, Нику спас… А может, не жестокость то, а страх?

Топ-топ – из угла. Аглая покосилась на звук. Ника, проследившая за ее взглядом, взвизгнула и выронила кружку. По одеялу расплылось грязно-желтое пятно.

– Руки-то крюки, – проворчал старичок карлик, грозя Нике крючковатым пальцем.

– Алька!

– Он безобидный, – буркнула Аглая, пытаясь ладонью стереть с одеяла пятно.

– Еще как обидный! – Старикан подставил к кровати табуретку, начал забираться на нее. Справился с нелегким делом, вытянул короткие ноги перед собой. – Меня просто нужно уметь обидеть, а там… Ух! – Он махнул рукой, та запуталась в бороде, старик покачнулся на табурете, чуть было не слетев головой вниз. Ника успела подхватить его и посадить обратно. Карлик отряхнулся. Отвесил Нике поклон. – Благодарствую! – Полез на кровать. Встал на грудь Тимиру. – Чего у нас вышло-то? Ух ты! Как оно… Жрецом наречен, если повезет. – Карлик плюхнулся на живот и начал тянуть ноги к табурету. Ника подхватила старика, водрузила на сиденье. – Извольте снова отблагодарить, юная леди! – И тут же прислушался. С улицы доносился вой. Многоголосый, дикий, заставляющий ежиться и озираться в темное окно. А нет-нет и поглядывать на божницу, шепча одними губами: «Защити!»

– Воют, бешеные. Воют, ироды.

Старик схватил за руку мечущегося в горячке Тимира. Уставился на взмокшую ладонь. Задумчиво почесал бороду:

– Стерто… Начисто стерто… И какими, интересно мне знать, силами? – Недоверчиво посмотрел из-под густых бровей на Нику. Та нахмурилась. Старик почесал бороду и перевел взгляд на Аглаю. – Уходить вам нужно. Нехорошо здесь сладится. Глядишь, и вы под раздачу попадете. А ведь как есть попадете.

Аглая открыла было рот, но карлик замахал на нее руками:

– Соглядатаи уже носом землю роют. Чуют жреца будущего. Силы-то вон сколько выплеснулось. Ох, нехорошо все складывается, – он горестно покачал головой.

– Куда нам идти? – Аглая смотрела на карлика.

– Ведомо куда, – хлопнул тот глазищами. – В Верховную Обитель ведьм.

Аглая нервно посмотрела на Нику. Та отвела взгляд, переведя его на Тимира.

– А больше некуда, – развел карлик руками. – Нигде вам рады не будут. Потому как всюду, куда вы придете, соглядатаи явятся. По ваши души.

– Что мы сделали? – Голос Аглаи стал совсем глухим, испуганным. Да и правда, что они могли сделать, почему им бежать нужно? Ладно Тимир, встала в нем сила темная, так пусть и бежит куда глаза глядят, а им-то зачем? Им бы узнать, как в свой мир вернуться.

– Вы через грань прошли, мимо стражей. Ты подругу свою из вязи сумрачной вытянула. – И, сощурившись, посмотрел на Нику. Та икнула и побледнела. – Не можно без ведовских сил такой путь пройти… живыми. А значит… – Старик помолчал и глубокомысленно добавил: – Кто-то из вас ведьма.

– Мы не ведьмы! – испуганно прошептала Аглая.

– Разбираться не станут. – Он задумался, забормотал, перебирая пальцами. – А потому в Обитель вам нужно. Если повезет, домой воротитесь. В Обители вещичек много интересных, книжек умных, авось какая и откроет вам путь домой.

– Так как же мы в Обитель попадем? Мы знать не знаем, где она, – выдохнула Аглая.

– Он знает! – Карлик кивнул на Тимира и хмуро покосился на Нику. – Силушка в нем темная.

– Он? – Ника вскочила, стул позади нее качнулся и грохнулся. – Да он же на всю голову!..

Карлик укоризненно посмотрел на девушку:

– У тебя самой и в голове, и в душе… – крутанулся на табурете, – мало хорошего да доброго. Пойдете, вам всем одна дорога. Только так. Иначе… – Он покачал головой и замер, прислушиваясь. В сенях послышались голоса. Старикан ловко спрыгнул с табурета.

Топ-топ – пропал в углу избы.

Дверь отворилась. Вошла Тала, следом высокая женщина. На худом лице мрачная скорбь, обрисовывающая темным скулы и глаза. Она остановилась посреди избы, мельком глянула на метавшегося в бреду Тимира.

– Немного лун осталось, Килла, – покачала головой Тала. – Поглотится силой, бог весть, сумеречным станет. Ох, как начнет по местности ходить да люд губить.

– До следующей луны дотянет, и то хорошо, – заправила глава прядь волос под серый платок. – Оставлять никак нельзя. Такая сила вышла, все южное поле загубил. Уходить ему надо, иначе поселку горе будет.

– Так куда ж ему идти, горемычному? – запричитала Тала. – Обитель, почитай, уж век как без ведьм, некому силу охолонить да вожжи на управу дать. Вона сколько сумеречных по пущам бродит. Ни одному упокоения нет.

Аглая и Ника быстро переглянулись. Килла пригвоздила их взглядом:

– Хватит нам ведьм, почитай, из-за них-то вся нечисть и появилась, чернь повылазила. Мало тебе, знахарка?

– Окстись, родная! А до них злыдней мало было?

Килла резко поднялась, да так, что по избе пошел холод леденящий, дрогнул огонек лучины, затрепетал, вырисовывая на стенах неровные дрожащие тени. Тала смолкла, уставилась в пол.

– В поселке не останется. И девок спроваживай, чуждые они – от соглядатаев не отбрешемся, – холодно резала словом глава.

– Да куда ты клонишь, Килла? Посмотри, совсем еще девчонки. Как же они? Чуждые – одно слово, ничего о мире нашем не знают. На верную погибель отправляешь!

Килла сощурила темные глаза. Смерила взглядом чуждых:

– Они мимо стражей через грань прошли, Тала! Ведьмы, не иначе.

Знахарка всплеснула руками:

– О чем ты? Ведьм уж сколько лет нет в Велимире, то тропка завела нечаянная. Зверье дикое гнало, вот и прибились сюда. А в землю-то Велимирскую, упаси господи, эти разве что и дойдут до ближайшей просеки, а там поминай как звали!

Килла не слушала знахарку, подошла к притихшей Аглае, взяла ее за подбородок и подняла, всматриваясь в лицо:

– Домой хочешь?

– Хочу! – сглотнула Аглая. От взгляда главы в висках застучали молоточки и сердце забилось учащенно.

– Что делать, знаешь?

– В Обитель идти. Книжки и вещички в ней искать, чтобы домой воротиться.

– Вот видишь, Тала, горемычные твои все знают, обо всем ведают. А коли вдруг и правда кто из них ведьма, то и Тимиру благом обернется. Будет кому силушку охолонить.

Тала судорожно выдохнула:

– Да что они знать могут? Может, наговорил им кто, а они, глупые, и поверили. Привела их дорога случая, всяко бывает…

Килла чуть нахмурилась, но тут же обернулась к знахарке:

– Не наговорили, а просветили. А в то, что нечаянно попали, не верю, и ты не верь. Собери им сумы. К утру пусть уходят.

Тала всплеснула руками, бросилась в ноги главе:

– Да не сгуби, матушка. Пропадут девоньки!

– А здесь не пропадут? – отстранилась глава. – Соглядатаи как придут, их первых сельчане и сдадут. Думаешь, станут своими ради чуждых рисковать? И их, и Тимира сдадут как есть, с потрохами. Припомнится и как он детвору от мавок увел, и как посевы от града уберег. Как оборотней отворотил. Добра люди не помнят, а за свой двор каждый петь так начнет, что не остановишь.

Тала уронила голову в ладони. Всхлипнула:

– Жалко!

– Жалко будет их с темными мешками на головах до околицы провожать да горемычную воспевать вслед соглядатаям.

Тала вытерла лицо подолом:

– Соберу, все соберу, матушка.

– Вот и ладно. – Килла бросила недобрый взгляд на Нику. Пробормотала чуть слышно: – Авось и доберутся. – Развернулась и быстро вышла. Хлопнула следом дверь, громким карканьем проводили ночную гостью вороны, да пес пару раз тявкнул.

Знахарка тяжело поднялась, прошла до сундуков в углу. Откинула тяжелые крышки. С глубоким вздохом начала перебирать вещи, скидывая их в кучу.

– Не пойдет, и это… Вот! – Она вытащила пару душегреек и теплые шерстяные штаны. – Не по-девичьи, да идти все поудобнее будет, чем юбками за колючки цепляться. – Она кинула одежонку на скамью. Следом полетели черные

косоворотки и широкие ремни.

– Не сидите, девоньки, одежку переодевайте. Времени у вас мало, до рассвета совсем малехо.

– А может, мы сами?.. – Ника начала стягивать платье. Аглая переодевалась молча. – Вы нам дорогу объясните хоть до соседней деревеньки. А там язык до Киева доведет. С ним-то как, он же ни живой, ни мертвый, – кивнула на Тимира. – На себе тащить не буду! – Она откинула платье в сторону и потянулась за рубахой.

Тала выпрямилась:

– Так кто его тащить заставляет. Сам пойдет, своими ноженьками. – Она подошла к Тимиру, оттянула веко, заглянула. – Зелье работает. И заря встать не успеет, придет в себя хлопец.

– Да, а если он вдруг силой поглотится? Сами же с главой говорили, осталось ему всего ничего. Чего с ним делать будем? – не унималась Ника.

Тала кивнула.

– И то, правда твоя. Обожди-ка… – Быстрым шагом, подобрав по дороге скинутые на пол платья, вышла из избы.

Ника прошлась до стола. Заглянула в шкафчики. Потом залезла в тумбу. Идти в ночь с пустыми руками ей совсем не хотелось. И верно, на одной из полок лежал кинжал в причудливых ножнах. Завороженно провела по нему пальцами, ощущая холод стали. Тот от прикосновения вроде даже осветился и тут же померк. Ника застыла, рука так и тянулась к ножнам.

– Не ройся в чужих вещах, – цыкнула на нее Аглая, продолжая одеваться.

– Да ты только посмотри какие! – восхищенно проговорила Ника. Аглая отмахнулась. Ника, не слушая подругу, вытащила кинжал из ножен. Витиеватая рукоять удобно легла в руку. Клинок тонкий, блестящий, огоньки, отражающиеся на лезвии, переливаются, режут глаза.

Послышались шаги. Ника торопливо вернула кинжал в ножны, не думая, спрятала клинок под душегрейку и захлопнула тумбу.

Вернулась Тала с двумя котомками, оставила их на скамье. А сама полезла в стол, вытащила небольшие мешочки. Посмотрела изучающе на отошедшую в угол Нику, перевела взгляд на Аглаю. Та стояла уже одевшись, с интересом рассматривая себя в зеркале.

– Ты!

Аглая вздрогнула от резкого голоса, обернулась.

– Да, точно ты! – Тала подошла к Аглае. – Вот это мешочек – от тьмы отпускающего, вот это – успокоительный, а здесь от хвори-простуды. До следующей луны точно дотянете, – хозяйка трясла мешочками с травами. Аглая смотрела на них с усилием, пытаясь запомнить: «Тот, что с красной ниткой – от хвори, серый с заплаткой – успокоительный, а черной и белой нитью прошитый – от тьмы».

– Смешаешь успокоительного щепоть и две от тьмы отпускающего, водой чистой зальешь, холодной. – Хозяйка вздохнула, кинула мешочки в суму. – Молитесь, девчата. Какие в вашем мире боги есть, тем и молитесь, авось и дойдете. Коли услышите, кто зовет, не откликайтесь, это навьи к себе зазывают. Не слушайте их, обманут, душой и телом овладеют. Любят они на чувствах да эмоциях, на жалости человеческой играть. У рек не останавливайтесь надолго, если мавки почуют, выплывут, то там и останетесь. А уж вой человечий заслышите – так и знайте, оборотни. Тут уж только бежать. Вот от вурдалака нет предупреждений. Только осторожничать. Ветви заточите и рядом с собой держите. А уж если увидите кусты потемневшие да землю черную, то поглощенный прошел… Ох… – Тала опустилась на скамью. – Как же вы пойдете, горемычные? – По ее щекам побежали слезы. – И здесь оставаться вам нельзя!

Аглая смутилась. Подошла и присела поближе к хозяйке:

– Может, не все так страшно?

– Как же ж! – всхлипывала знахарка. – Вы ж небось упырей да мавок только на картинках видели? А тут вам не сказочка… Я о таких, как вы, слыхивала.

Приходили в давние времена, чтобы знания в Обители получить. Из разных миров. Так вот, такие, как вы, бывало, и не доходили, совсем полоумными возвращались, тут уж тебе какие знания. До грани бы добрести. Так то они с силой ведовской шли. А вы?.. Ох и жалко мне вас… Сердце разрывается.

– А может, вы с нами? – аккуратно вставила Ника. – И вам спокойнее, и нам…

Знахарка перестала всхлипывать, минуту смотрела на Нику ошарашенно, потом всплеснула руками:

– Куда это – с вами? В Обитель? А хозяйство кому? Кто селян лечить будет? Я на пять поселков одна! Ишь чего удумала, дом, значит, бросай и с вами иди! – Она вытерла лицо широкой ладонью. – Ничего, не маленькие, дойдете. – И уверенно поднялась.

Аглая посмотрела на Нику, пожала плечами.

– Посмотри-ка, – продолжала возмущаться Тала. – Брось и беги! Шустрая нынче молодежь, все бы на других свалили! Тут идти-то… ну не близко, и чего? Одна, что ли, идет. Доберутся, ничего не случится, а коли и случится… – Она смолкла, закидывая в суму круглый каравай, вздохнула тяжко. – Значит, судьба.

– Что-то мне такая судьба… – приглушенно проговорила Ника и жестом чиркнула ладонью у горла.

– А есть выбор? – понизила голос Аглая.

– Вот разве что и выбора нет, – кивнула Ника и тут же смолкла. Тимир завошкался на кровати. Открыл глаза. Наткнулся взглядом на Нику и, чуть растягивая губы, усмехнулся.

– Воды дай, чумная, – голос прошелестел по избе. Тала кинула суму на стол.

– Еще вопрос, кто из нас чумной! – окрысилась Ника. – На койке не я с вечера в горячке валяюсь!

Тимир закашлялся.

– Экая ты злая, – шикнула на нее подошедшая Тала, поднося к губам Тимира воды. Тот сделал глоток, отстранился.

– Как себя чувствуешь? – Аглая посмотрела на бледного парня, гадая, сможет ли тот вообще подняться. И даже если сможет, весь дрожит, руки трясутся. Глаза воспаленные. От прежнего Тимира вот разве что серые зрачки. Да усмешка. И та словно не живая, а оскал посмертный. Далеко ли они с ним дойдут?

– И вторая тоже здесь! – слабо усмехнулся парень и поморщился, подтверждая сомнения.

– Ты на вопрос не ответил, – хмуро сообщила Аглая. – А нам, к сведению, уже через час отсюда уходить.

– Уходите, кто ж вас держит!

Аглая вспыхнула. Ника покрутила пальцем у виска:

– Вот же подкинул Бог попутчика!

– Ты тоже уходишь, – сдержанно объяснила Аглая.

Тимир вопросительно глянул на Талу. Та потупилась и отвернулась. Глаза Тимира недобро сощурились:

– Килла изгнала?

– Угу, – кивнула Аглая. – Мы в Обитель, будем искать, как из мира вашего доброго выбираться. Говорят, там в закромах вещички всякие, может, повезет и домой вернемся. Ты знаешь, как к Обители пройти? Можешь идти с нами.

– С вами? В Обитель? – На губах Тимира заиграла глумливая ухмылка.

– Не хочешь – не иди, – вставила Ника, потуже затягивая ремень. Глянула на себя в круглое зеркало, удовлетворенно хмыкнула. – Амазонка! – Снова глянула на Тимира: – Можешь дальше валяться. Нас твое общество тоже не особенно

радует!

Тот глухо засмеялся:

– А в Обители вы чего узнать хотите? Как домой вернуться или не ведьма ли одна из вас?

– Как получится, – пожала плечами Аглая и сунула душегрейку в суму.

– Если ни одна из вас не ведьма, то никак не получится. – Голос Тимира пронзительно шипел. – Без силы ведовской вы даже войти не сможете. – Он обессиленно откинулся на подушки.

Аглая и Ника переглянулись. Вот даже как. Им никто не сказал.

– Ты, Тимка, пессимист! – нарушила затянувшееся молчание Ника. – Война план покажет. Может, нам и до Обители не нужно будет идти. Может, мы по пути узнаем, как нам домой вернуться.

– Ага, – развеселился Тимир и даже засмеялся, но тут же закашлял. – Вот только чудится мне, что не своими тропами вы в Велимир притопали. Завели вас. И навряд ли тот, кто заводил, делал это лишь для того, чтобы потом домой отправить. Ты, красна девица, сказочница!

– Ну-у! – Ника в очередной раз улыбнулась себе в зеркале. Все-таки ее любая одежа красит. – Заводил не заводил, никто не знает. А Килла сказала, что без силы ведовской мы бы и так не прошли. Так что… – И тут же смолкла, поймав в зеркале взгляд Аглаи. Та покачала головой. А в глазах такая тоска, что и Ника побледнела. Прав Тимир. Если кто их в этот мир намеренно привел, значит, планы свои на них имеет.

И от мысли этой нехорошо тянуло – проблемами. Аглая стояла, в задумчивости глядя на Нику. Не верила она, что все легко и просто решится. И грань прошли, и в Обитель им дорога открыта должна быть. Где загвоздка? Где тот самый сыр в мышеловке? А вот он, в усмешке Тимира. В его брошенной в глаза правде.

Аглая глянула на парня. Он лежал тяжело дыша, прикрыв веки. Как разом все наворачивается, одно на другое. Мало своих проблем, так еще стоило прийти, и вот тебе, будущий жрец нарисовался. А если ни одна из них не ведьма, то быть ему сумеречным. Кто эти сумеречные, Аглая не знала, но, судя по всему, ничего хорошего собой не представляли. И ей было совершенно наплевать, станет Тимир жрецом или сумеречным. Это потому, что всего слишком много и нигде логического конца не видать. Мало того, она счастливого окончания истории не видит. Только Тимир правде в глаза смотрит, а Аглая все пытается оправдания придумать. Не верит, а все же пойдет к Обители. И будет надеяться. А разве им остается что-то другое?

– Нам без тебя не дойти, ни дороги, ни мира вашего не знаем. – Голос все же предательски дрогнул.

– Совершенно пустая прогулка, – кивнул Тимир, не открывая глаз.

– Нам больше надеяться не на что.

Глаза он все-таки открыл, изучающе посмотрел на Аглаю:

– Ну хоть в этом мы солидарны. Я доведу вас, насколько смогу, а там… как выйдет.

– То есть мало того, что попутчик самодовольный индюк, так его еще и хранить придется как зеницу ока! – Ника зло развернулась на каблуках и вышла из хаты.

– Это еще кто кого охранять будет! – вслед ей болезненно засмеялся Тимир.

Аглая продолжала стоять рядом и смотреть в его лицо. Ей не нравилось то, что они будут зависеть от него. Не нравился он сам. И страшно было: а если не дойдут? Как там Килла сказала, изольется!

Как сейчас, стояла перед ней картина вставшей в нем тьмы, глаза – черные впадины. И голос едва слышный: «Помоги!» Сможет ли помочь в следующий раз? Мешочки, травки – все это когда-нибудь закончится, да и успеет ли она нужное зелье сделать? И что тогда? Убивать? Его? Или он их, скорее.

Он перестал смеяться.

– Не нравлюсь? – Глаза распахнулись, тут же сузились, черный огонек так и хлестал в зрачках, злой, яростный. – Так можете сами идти. Я за вас не держусь. Мне разницы, с кем помирать, нет. С вами али без вас.

Аглая пожала плечами:

– Ты слаб, еле говоришь. Путь, я так понимаю, неблизкий. Мы местность не знаем. Хотим не хотим, выбора у нас нет. Как, собственно, и у тебя.

Отвернулась и пошла помогать Тале собирать сумы.

Ника стояла на узкой ступени избы, дрожа от злости и обиды. До зубовного скрежета хотелось выть. И от собственной слабости тоже трясло. А еще перед глазами так и вставал образ уходящего в чащу Стаса, а рядом с ним Рита.

«Ненавидишь?» – вопрошало внутри чужим голосом.

– Ненавижу, – сквозь невыплаканные слезы глухо отвечала Ника, сжимая кулаки. И мыслями возвращалась к Аглае. Ей небось тоже гадко. Игнат-то ушел вместе со Стасом – предатели! Сволочи! А ведь Аглая и Ника могли там остаться! Навсегда, в мутной жиже болота. Трясти начинало сильнее, злость, поднимаясь из глубин сознания, стучала молоточками в висках. Внутри ворочалось нехорошее, недоброе чувство и становилось вполне живым и осязаемым. Как там, возле дома, а после рядом с Тимиром. Ника никак не могла вспомнить. Будто сама с собой говорила или ей слышалось: «Я с тобой! Откройся, выпусти, не бойся!»

Услышав голос второй раз, она уже не испугалась. А вот Тимир… Он как будто слышал, почернел весь. И невесть что произошло бы, не вмешайся Аглая.

– Ненавижу! – Ника прикрыла глаза.

От бешенства пульсировало в висках. Бесили все. Особенно малахольный. Хотя малахольным назвать могла его только Ника. Тимир, выросший в поселке, с детства привыкший к разной работе, был прекрасно развит физически. С пронзительными серыми глазами, в которых трепетала тьма. С тонкими губами, растягивающимися в язвительной усмешке. И даже сейчас, обессиленный, бледный, он вполне мог бы понравиться Нике. Но нет. Она его боялась. Боялась с того самого мгновения, когда он ночью у поселка схватил ее за руку и потащил к дому. С того самого момента, когда в глаза его посмотрела и отразилась в зрачках, но только не та, которую видела Ника в отражении зеркала, а темная, с пугающим взглядом темных глаз, с копной длинных черных волос. Не она. И «не она» улыбалась ей – Нике. Страшная ухмылка, косая, с растрескавшимися губами.

И вечером в поле «не она» была. Шептала, говорила что-то Тимиру, в почерневшие глаза заглядывала. Ника все пыталась вспомнить слова – и не могла. Тимир отвечал безмолвно. Тьма в нем стонала, извивалась, билась судорогами. И черная воронка была не только в его глазах. Ника посмотрела на ладонь. Крохотное пятно. Знак тьмы, оставленный на ней. Как же она ненавидела все вокруг: и мир, в который они попали, и то, как нехорошо все складывается.

– Ненавижу! – Накопленная внутри злость искала выход. Стучала и клокотала в черепной коробке. Как же хотелось, чтобы всем вокруг было так же больно, как и ей!

Всем!

На глаза попался сидящий на плетне петух. В предрассветном сумраке выделялся только силуэт. Он нервно заерзал. Ника не сводила с него взгляда. Петух встрепенулся, захрипел и свалился с насеста, заколотил лапами по воздуху. Ника зажала рот руками, чтобы не вскрикнуть. Бегом бросилась к изгороди. Петух лежал, закатив глаза, бился в предсмертных судорогах. Рука с черной точкой на ладони горела. На пальцах расцвели черные жилки. Ника схватила птицу и, воровато озираясь, бросилась за дом. Там кинула его в компостную кучу. И, боязливо оглядываясь, вернулась к крыльцу. В тот самый момент, когда из дверей выходила Тала, а за ней Аглая и шатавшийся Тимир.

Ника торопливо спрятала руку за спину. Чувствуя, как растворяются на коже темные разводы.

Тала искоса глянула на Нику, кивнула на Тимира:

– Часа два-три корежить будет, но нести не придется. – Перевела взгляд. – Аглаша, ты травку-то не забудь… Бог в помощь!

В воротах появилась Килла, слегка кивнула вышедшим, глаза ее на миг скользнули по Нике, стали задумчивыми. Потом брови удивленно взметнулись вверх, она замерла, крепко ухватившись за плетень. С усилием отвела взор от Ники.

– Я выйду с вами к околице, следы подчищу. – Голос прозвучал глухо, Килла торопливо отвернулась и вышла из калитки.

От свежего воздуха морозило. Воронье, встревоженное ранними путниками, громко, надрывно кричало. Тимира лихорадило. Он с трудом сдерживался, чтобы не отстукивать зубами чечетку.

– …Ориентируйся на восток. Да зачем говорю, сам знаешь. Дайте боги, может, и дойдете. И кто знает… Может, и правда кто из девчат – ведьма. Вот и избежишь судьбы горестной. – Тала перекрестила Тимира. Обернулась к Аглае: – Все помнишь? Водицы много не лей, только травку прикроет, и хватит, – она погладила девушку по щеке. – Страшно за вас.

Стоящая рядом Ника хмыкнула.

Молчавшая всю дорогу Килла хмуро покосилась на нее и недобро усмехнулась:

– Если что, на подругу не надейтесь…

– Доброе пожелание!.. – отозвалась та.

– Я вообще бы с тобой идти в паре не советовала, – резко отреагировала Килла, а Тала добавила:

– Недобрая ты… и помыслы у тебя недобрые…

– Угу, злыдень первостатейный, – кинула Ника, нащупала пальцами прихваченный в тумбе Талы кинжал. Холодная сталь, спрятанная под рубахой, холодила бок. Нехороший поступок. Кража в особо крупном размере, учитывая потертость ножен – раритета. А что делать? Идти в лес густой с пустыми руками – крайняя степень беспечности. А тут еще рассказы про нежить и оборотней.

В рассказы Ника не верила, оттого что сама не видела.

– Ну да долгие проводы – лишние слезы. – Килла сурово посмотрела, как Тала тайком смахнула слезу.

– Да пребудут с вами боги всемилостивые! Да услышат и защитят! – замахала знахарка. – А я уж здесь за вас свечку поставлю. Тимир, ты, ежели поймешь, что… – Она смолкла.

Тимир закашлял, угрюмо кивнул, кутаясь в теплый плащ, не прощаясь и не оглядываясь, зашагал навстречу рассвету.

– Малахольный! Ты так не спеши, а то упадешь, а поднимать тебя нам! – бросилась следом Ника.

Аглая обняла хозяйку:

– Спасибо тебе, Тала! Не знаю, прощаться ли?

– Не прощайся, – уже не сдерживаясь, всхлипывая, прошептала знахарка. – Я сердцем чую, свидимся.

– Тогда до свидания! – Аглая расцеловала плачущую знахарку в щеки. Слегка склонила голову под неусыпным строгим взором Киллы.

На востоке загорался рассвет. Кроваво-красный, предвещающий жаркий день. Но Аглае отчего-то показалось, что это зловещее предзнаменование.

«Тьфу ты! Какое предзнаменование? Дойдем до Обители, найдем какой-нибудь путеводитель из чуждых миров и отправимся домой! Все будет хорошо! Хорошо? А если и правда даже войти не сможем? Сможем… – И тут же внутренне поежилась. Какая из нее ведьма? А из Ники? Только думать про это не хотелось совсем. – Мы обязательно попадем домой… – и неуверенно бросила прощальный взгляд на Талу. – Должны попасть домой».

Махнула рукой и бросилась бегом нагонять Тимира и Нику.

Вместе они вошли в лес. Густые деревья обступили, отрезая дорогу назад. Вершины, уходящие ввысь, закрыли небо. И путники не увидели, что солнце в тот день так и не вышло из-за горизонта, затянулось черными тучами, в которых громовым эхом грянули предвестники несчастья – вороны.

Глава пятая

– Так мы с тобой, малахольный, далеко не уйдем! – Ника смотрела сверху вниз на сидевшего у сосны Тимира. Тот неторопливо заплетал косу.

– А ты не гони, чумная, некуда нам торопиться. Дай время, отсижусь, а там и далее двинемся.

– Тетка Тала говорила, чтобы подальше от мест этих ушли до полудня, – напомнила Аглая, привалившаяся спиной к древнему дубу. Хотя у самой от непривычки болели ноги и сердце едва не выскакивало.

Утро в лесу казалось дивным. И даже страхи отступили. Никакой нежити, навий, оборотней. Обычный лес, такой же, как в обычном мире. Разве что животинки больше. Тала говорила, селяне побаивались в последние годы надолго в леса

ходить, охотников совсем мало осталось, вот и расплодилась живность.

Проносились мимо, прячась под кустами, пугливые зайцы. Трещали неугомонные сороки, с ветвей с интересом смотрели сойки. Белки стрекотали возмущенно и трясли пушистыми рыжими хвостами. Последними трясли не только они, но и остановившаяся в паре шагов от путников парочка лис, сверкавших глазами. Всю дичь распугали! Махнули хвостами и были таковы. Но чем дальше, тем гуще становились кроны, сквозь ветви все меньше проникал солнечный свет. А из все более сгущающихся теней слышались пугливые выкрики лесных обитателей. Один раз Аглая чуть не наступила на спрятавшегося меж корнями змея, Тимир вовремя успел оттолкнуть. Змей зашипел, затрещал хвостом. Гремучка. Тимир зашипел в ответ. Гад вытянулся и пополз к другим, более надежным корням. А еще позже, едва Ника вышла на небольшую поляну, раздался вскрик.

Аглая кинулась на помощь подруге, но, приблизившись, увидела смеющегося Тимира и красную от негодования Нику. Та хлопала в ладоши, топала и тихо ругалась. Рядом находился притоптанный ею муравейник. Аглая и сама улыбнулась, не сдержавшись. Рыжие муравьи – существа беззлобные, пока кто-нибудь не покусится на их жилище. Ника, судя по всему, покусилась и теперь прыгала вокруг него, скидывая с тела разозленных обитателей муравейника.

А после уж и не до смеха было. Аглая устала, едва волочила ноги. Ника ворчала под нос. Тимир заметил, опустился на кочку у дерева:

– Отдохнуть малость нужно!

Отдых, правда, вышел совсем недолгий.

Аглая потерла икры. Ноги гудели. Хотелось закрыть глаза, отключиться. Хотя бы на полчасика, на десять минут просто забыться в спасительном сне. И как хорошо, что Тимир все же остановился. И хотя Аглая помнила о словах Талы, что уйти им нужно в ближайший день как можно дальше, но она так устала!

Аглая закрыла глаза. Вот сейчас переутомление возьмет верх, и она отключится от мира, от жизни, от всего вокруг. Но ни сон, ни дремота не шли. Зато отчетливо стали слышны звуки. Слишком громкие. Пугающие. Как-то внезапно, порывом, разметав волосы, пронесся ветерок между ветвями. Зашелестели листья. Послышался тревожный гомон лесных птиц. Аглая прислушалась,

открыла глаза. Показалось ли, что за соснами мелькнула тень? Светло-русые волосы и джинсовая курточка. Аглая вскочила. Кто-то из их друзей? Стас! Да, он был в джинсовой курточке! Аглая сделала шаг, но все стихло. Пропала и тень. Аглая так и осталась стоять. Но не мелькнула больше тень, не появилась синяя ткань джинсы между деревьями.

«Почудилось», – подумала с горечью девушка.

Поднялся Тимир, опираясь на ствол.

– Права тетка Тала, и верно, сидеть некогда. Идем! – ткнул в бок отвернувшуюся от него Нику. Девушка подскочила, зло зыркнула на парня и, гордо вскинув голову, пошла вперед.

– Ты куда, чумная? Нам в другую сторону, – насмешливо подметил Тимир. Но усмешка погасла, едва глянул на Аглаю, которая смотрела в гущу листвы.

– Что ты видишь? – спросил настороженно.

– Мне показалось, – прошептала она с грустью. – Человек… Из прошлого.

Тимир подошел, встал за ее спиной. Горячее дыхание коснулось шеи. Аглая вздрогнула, оглянулась и оказалась с ним лицом к лицу.

– Не стой так близко… – Ее лицо вспыхнуло.

Он молча зажал ей рот рукой. Ника, стоявшая в паре шагов от них, нахмурилась и собралась уже сделать шаг на помощь подруге, но остановилась под предостерегающим взглядом Тимира:

– Тшш.

Аглая так и стояла. Он дышал ей в волосы, теплая ладонь прикрывала рот, воздух между ними стал горячим. Сердце стучало в унисон его сердцу. Взмокли от бессильного негодования ладони, но тревога заставляла молчать.

– Страшно? – прошипел ей в ухо Тимир. За спиной затрепетала листва.

Аглая ощутила дрожь собственного тела.

Из кустов выскочил заяц, испуганно шарахнулся от Тимира с Аглаей и опрометью бросился в соседние кусты. От неожиданности вскрикнула Ника, Аглая вскрикнуть не могла, мешала ладонь Тимира. Зато широко распахнутые глаза со злостью смотрели на беззвучно смеющегося парня. В следующую секунду он охнул – зубы Аглаи вцепились в ладонь, но смеяться тихим и оттого казавшимся жутким смехом не перестал.

– Дурак! – выплюнула Аглая.

– Малахольный, чего с него взять! – покрутила у виска Ника, трясясь от заячьего страха.

Но Тимир вдруг перестал смеяться.

– В этот раз бурундук? – полюбопытствовала Ника.

Аглая тоже обернулась, чтобы урезонить шутника, но осеклась. Глаза Тимира подернулись поволокой.

– Нежить! – сказал он чуть слышно, наклоняясь к Аглае. – За нами идет. По следу. Уходим тихо.

От напряженного голоса веяло тревогой. А у Аглаи защемило душу. Нежить? Ей не показалось? Но если так?.. От ужаса взмокли ладони. Она снова посмотрела туда, где видела мелькнувшую куртку Стаса. Громко зачирикали рядом невидимые птицы, вспорхнули и стайкой скрылись в гуще леса. Аглая, ни о чем не спрашивая, бросилась к суме, начала засовывать руки под широкие ремни.

– Не шуми, – холодно и спокойно предостерег Тимир, накинул себе на плечи суму и начал продвигаться между деревьями.

Шел Тимир быстро. Под жуткое молчание едва поспевали за ним Аглая с Никой, изредка перебрасываясь короткими встревоженными взглядами. Гудел бор, проносились мимо зайцы и пугливые косули, лось поднял голову, посмотрел удрученно и снова продолжил поедать мох. Лиса свернула с тропы, спугнутая

торопливыми путниками. Лес шумел ветвями, трещал кронами и разражался голосами сотен птиц, стрекотом насекомых, непонятным разговором животных – лес жил. Пару раз Аглая чудом не споткнулась о выпирающие корни. Получала тонкими ветками по лицу, отчего алели щеки. Ника ругалась тихо, но яростно, включая в лексикон весь набор богатого русского.

Коричневый хорек высунул морду из ветвей сосны, глянул и тут же пропал.

Аглая не выдержала и с размаху села на землю:

– Все! Отдых! Я не могу больше.

Тимир, не останавливаясь, уходил дальше.

– Вставай, Алька! – схватила за руку подругу тяжело дышавшая Ника. – Уйдет же! Нас ждать не будет. Останемся одни!

– Пусть идет, – отрешенно махнула Аглая. – У меня все дрожит. И сердце сейчас из груди выскочит. А еще я вроде ступню вывихнула, ту же. Болит безбожно.

Ника рухнула рядом. Посмотрела вслед удаляющейся фигуре Тимира:

– Да и бог с ним, действительно.

Тимир завернул за очередное дерево и пропал.

– Поминай как звали, – напутственно отдала ему честь Ника и зажмурилась. В глазах бился пульс. Рядом вызывающе громко булькнуло, она открыла глаза. Аглая делала огромные глотки из пузатой фляжки. Ника молча протянула руку. Аглая вытерла губы и сунула ей флягу.

– Огонь разведите!

Охапка сухих веток рухнула рядом, заставив Нику и Аглаю вскочить. Последнюю еще и болезненно охнуть, когда наступила на вывихнутую ногу. Тимир стоял слегка покачиваясь. На бледном лице выделялись потемневшие глаза. Аглая и Ника переглянулись. Ни одна не увидела, как он подошел.

– Чего уставились? – грубо оборвал гляделки Тимир. – Раз идти не можете, огонь разжигайте. Хвороста больше нужно, этого на ночь не хватит. А с огнем все спокойнее будет. И… ты… – он кивнул на Аглаю. – Тала тебе травки дала?

Аглая кивнула.

– Сделай, – сказал, морщась, и рухнул у дерева. Трясясь всем телом, свернулся под плащом.

– Не дойдет! Вот чес-слово, не дойдет, – приговаривала Ника, чиркая неудобным огнивом в попытке поджечь костерок. Когда зарделся огонек, поднялась.

– Хвороста наберу, а то, прав малахольный, замерзнуть, может, и не замерзнем, зато хоть зверье отпугнем.

– Не отходи далеко, – предостерегла Аглая.

Ника кивнула и скрылась за деревьями.

Аглая смешивала в деревянной кружке травы. Хоть Тимир и вызывал у нее неприязнь, но жалко его стало. Страшно было, когда видела подернутые тьмой глаза, мрак в его душе, проскальзывающий в голосе. Жалость была слабой – он один! Сейчас, здесь, бьющийся в ознобе на земле. Помочь некому. И Аглая бы с удовольствием не помогала. Но она знахарке Тале обещала. Жалко, и уже не понять, то ли Тимира, то ли себя. Вот только другого провожатого у них нет. Потому нужно было, чтобы он дошел. А он вон лежит ни жив ни мертв.

– Так, серый с заплаткой – успокоительный, а черной и белой нитью прошитый – от тьмы. От первого щепотку. Две от второго… Какой странный запах… – Аглая наклонила голову над мешочком, прошитым черной и белой нитью. Принюхалась. – Вроде и знакомый, да кто его знает, что за трава собрана.

Тонкий писк заставил поднять голову. На ветке, смотря на Аглаю глазами-бусинами, сидел коричневый хорек.

– Тихо, не сбивай, – шикнула на него Аглая и вернулась к мешочкам.

Хорек спрыгнул на землю, сделал несколько уверенных шажков и остановился у стоящей на земле кружки с насыпанной в нее травой. Сунул нос и тут же отпрянул, громко чихнул.

– Это тебе, чтобы не любопытничал, – беззлобно погрозила пальцем Аглая.

Хорек обиженно наморщил нос, замер, повел им из стороны в сторону, внюхиваясь, крутанулся на месте и юркнул к открытой суме.

– Да ты голодный! – Аглая оторвала визжащего хорька от сумы. Сама достала хлеба и, отломив кусок, бросила зверьку. Тот хлеб понюхал, сел на задние лапы и громко, возмущенно запищал. С недоверчивым прищуром посмотрел на Аглаю.

– Наглая морда! – улыбнулась она. Сунула руку в котомку, вынула кусок вяленого мяса. Хорек вожделенно воззрился на кусок. И даже лапки молитвенно сложил, чем заставил Аглаю удивиться. Но, тут же смахнув с себя наваждение и решив, что зверинка была некогда ручная, Аглая достала брошенный Талой в суму крохотный ножичек, отрезала небольшой кусок от мяса, бросила его хорьку. Зверек схватил лакомство и скрылся в кустах, откуда донеслось довольное чавканье.

– Шустряк, – вслед ему тихо засмеялась Аглая и тут же затихла.

Тимир резко распахнул плащ, открыл темные глаза, уставился на Аглаю. Она поежилась. Он пробормотал что-то невнятное, по всему телу прошла судорога. Аглая схватила кружку, дрожащими руками залила травяной сбор водой из фляги, перемешала. Нужно подойти к Тимиру и дать выпить. Но она медлила. Ника долго не возвращается. Только хорек в кустах, громко урча, жует мясо. Аглая сидела и смотрела в черную бездну немигающих, словно мертвых глаз Тимира. В мертвенно-бледное лицо, на котором практически не виделось признаков жизни. И не могла заставить себя подойти к нему.

«Боязно?» – донесся от него голос. У Аглаи распахнулись глаза. Тимир не открывал рта. Лежал, глядя на нее, и даже как будто не дышал.

«Боязно?» – повторил голос. Аглая вскочила, оглянулась. Никого рядом. Голос Тимира. Крепко держа кружку, перекрестилась. Так и с ума сойти можно! В этот момент из кустов выскочил хорек. Аглая не сдержалась, вскрикнула. Хорек

замер, смотря на нее испуганными глазами. И тут же вдруг заверещал, шустро взобрался по ноге, на руку и на плечо. Замер у самого лица, тыкаясь влажным носом в шею. Сразу стало спокойнее.

– У меня совсем крыша едет, – пожаловалась она зверьку. – Чудится, что он говорит.

Она кивнула на неподвижного Тимира.

Зверек показал застывшему парню кулак. Аглая в очередной раз удивилась. Но хорек уже просто сидел на плече и пищал возмущенно.

– Да, меня тоже напрягает. Глаза бы не видели. Но мы от него зависим… – Аглая погладила шельмеца по коричневой голове и неуверенно подошла к Тимиру. Наклонилась.

«А чего нас бояться, мертвых-то?»

Аглая завизжала.

Плечи Тимира затряслись – он хохотал.

– Ты придурок! – Из глаз хлынули слезы. – Ты полный придурок!

Он протянул руку и проговорил, глотая смех:

– Ты бы себя видела! Питье давай!

Как же хотелось выплеснуть зелье в лицо этому… этой… сволочи!

Спрыгнул с плеча и кинулся в атаку на обидчика хорек. Тимир удивленно посмотрел на него, замер, присматриваясь, неуверенно моргнул и прошипел:

– Пшш!..

Зверек отскочил, возмущенно затряс хвостом, оскалил зубы.

– Пш-ш-ш-шла! – Тимир сверкнул на хорька темными зрачками.

Зверек юркнул к Аглае, забрался на плечо и уже оттуда продолжал корчить рожицы.

– Алька, что с тобой? – Ника остановилась у костра, бросила собранный хворост к дереву и, вытирая руки о бедра, подошла к трясущейся подруге. Хорек юркнул под волосы. Аглая, не говоря ни слова, сунула Нике кружку с питьем для Тимира и ушла к костру. Села и начала ожесточенно ломать принесенный хворост.

– Ты чего ей сделал? – нахмурилась Ника, наступая на сдерживающего веселье парня.

Он только покачал головой, не в силах ответить.

И тут же содрогнулся. Глаза нехорошо сощурились. Он в молчании пронзительно посмотрел на Нику. А она не сводила с него тяжелого взгляда.

Тимир рывком сел, протянул руку. Ника стояла не шевелясь.

– Еще раз… – сквозь зубы рыкнула она и сунула ему кружку, расплескивая содержимое. Развернулась и направилась к костру. Он не смотрел ей вслед, ссутулился, отпивая зелье и что-то бормоча.

– Алька, ты как?

Аглая пожала плечами. Шмыгнула носом:

– С дурака чего возьмешь?

Ника кивнула.

– Дай только дойти до Обители!

Ника обняла Аглаю за плечи:

– Обязательно дойдем!

Воинствующий писк был ей подтверждением. Ника отшатнулась, ошарашенно глянула на Аглаю. Та вытерла нос, по руке скользнула остроносая мордочка, моргнула черными глазами, скатываясь на колени Аглаи.

– Кто это?

– Хорь, – погладила зверушку Аглая. – Безобидный, вполне социальный тип. Мясо съел, Тимира обругал… Защита и опора в трудном деле…

– Даже так? – с сомнением посмотрела на мелкую зверушку Ника и тут же потрепала его по голове. – Опора и защита нам как нельзя кстати, особенно от малахольных.

Малахольный глухо засмеялся.

Ника и Аглая посмотрели в его сторону. Он поставил пустую кружку на землю, снова закутался в плащ и отвернулся. Только плечи продолжали подрагивать от смеха.

Ночь опустилась внезапно. Только что меж ветвями пробивались солнечные лучи, и вдруг наступили сумерки, следом все в округе затянуло тьмой. Звуки леса изменились, вместо радостного пения птиц раздавался тревожный шелест и низкое рычание ночного зверья. Ухала вдалеке сова или филин. Аглая не разбиралась. Ника, за вечер натаскавшая немалую кучу хвороста, ломала и подбрасывала в огонь сучья, попивала вскипяченную на костре воду, заедала хлебом с вяленым мясом. Закончив, достала сухофрукты. Аглая смотрела на нее и только диву давалась. А ведь в институте такая фифа была, кто бы мог подумать, что будет в лесу поедать вяленое мясо и пить нефильтрованную воду.

– Если бы не ситуация, хороший такой уик-энд получился бы. – Очередная порция хвороста полетела в костер.

– Мешает чувство, что мы здесь жертвы обстоятельств, – кивнула Аглая, подавая хорьку кусочек вяленого мяса. Хорь урчал от удовольствия и закатывал глазки.

Ника пошевелила костер длинной палкой. Горящие угли затрещали, выбрасывая в ночной воздух сноп искр.

– А я бы осталась здесь жить! Не, ну а чего? Природа. Чистота. Никаких тебе айфонов, айпадов – благодать.

– Нежить, мавки, оборотни, – напомнила Аглая.

– Да брось ты, – отмахнулась Ника. – Мы целый день в лесу, ты хоть с кем-нибудь столкнулась?

– Но мы же слышали… Тимир сказал…

– Мало ли что Тимир сказал. Он и не такое придумать может. Ты на него посмотри. Неизвестно, что там было. Я лично никого не видела… – сказала и замолчала, напряженно вслушиваясь. Аглая перестала подкармливать хоря, да и тот весь встрепенулся, шерстка встала дыбом. Глазки уставились на ближайшие кусты.

Легкий шелест и глухое ворчание.

Ника поудобнее перехватила палку, второй рукой нащупала припрятанный на поясе ножичек.

– Тим… Тимир! – побледневшими губами зашептала Аглая. Тимир не шевелился. Лежал, закутавшись с головой. Аглае подумалось: то темное, что сидит в нем, сейчас бы пригодилось. Ника медленно приподнялась. До Тимира два шага. Если что, так встряхнет его, всю черноту вытрясет. – Тимир!

Кусты затрещали.

Тимир даже не повернул головы. Из ветвей показалась тень, встряхнулась и кособоко пошла на девушек. Ника и Аглая разом завизжали.

Глава шестая

– Вот она, суть бабская! – жаловался старик карлик сосредоточенно внимавшему хорю. – Я секирой махал или выскочил из-за угла? Нет же, аккуратненько, осторожно… Понимаю, чай, баба – существо пугливое. А они чего? Визжать… Нервные вы. А все от еды неправильной. Жрете чего ни попадя. Я в давние годы в миру у вас бывал, к свату в гости хаживал, видел, какую вы там дрянь потребляете. Там и здоровый нервным станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/geyarova_naya/tropa-ved-m-slezy-naviy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити